

Тина Сладкова

Мой единственный враг

Тина Сладкова

Мой единственный враг

«Литнет»

2026

Сладкова Т.

Мой единственный враг / Т. Сладкова — «Литнет», 2026

Я ненавидела его все школьные годы. Пять лет я думала, что избавилась. Что он исчез. Что всё кончено. Но судьба — та еще извращенка. Стоило мне пойти на это дурацкое шоу с полуголыми танцорами, как я увидела ЕГО. На сцене. Мокрого. В одних лишь тонких штанах, облепивших... Впрочем, неважно. Важно другое: Андрей Головин, сын владельца крупнейшей в крае транспортной компании, выплясывает под дождем, как последний мальчик по вызову. С его появлением меня настигла чёрная полоса, мало мне было проблем, так ещё через неделю я разбила его машину. — Я спрашиваю, — говорит он тихо. Очень тихо. Но в этой тишине его голос звучит так громко. — Кто. Был. За. Рулём? — Я, — голос не слушается, срывается в хриплый шёпот. — Это моя вина. Я... — Ну что, пирожочек, — говорит он и в голосе прорезается что-то новое. Хриплое. Напряжённое. — Как будем ущерб возмещать? Я говорю: «Ненавижу тебя». Но с губ срывается: «Хочу».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	40
Глава 13	46
Глава 14	49
Глава 15	53
Глава 16	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пролог

— Отойди от меня. — Голос срывается в шёпот, когда он делает ещё один шаг.

— Боишься? — усмехается он.

Я не могу отвести взгляд от его губ. Я его ненавижу. Ненавижу. Но это словно наваждение. Порочное. Грязное. Неправильное.

Мозг — предатель. Выдаёт картинку из сна: эти губы скользят по моей шее.

Я резко отворачиваюсь, сглатывая вязкую слюну.

— Тебя? — голос звучит ровно, хотя внутри всё дрожит. — Нет.

— Странно. А твоя реакция говорит об обратном.

Он делает последний шаг. Вплотную.

— Или это другое чувство? — наклоняется, его дыхание опаляет ухо, и по телу разбегаются мурашки. — Ты меня хочешь.

Он говорит это с полной уверенностью в своей правоте. Нагло. Смакуя каждое слово.

Я поворачиваю голову. Встречаю его взгляд. Наши лица так близко — одно неосторожное движение, и я коснусь его.

— Хочу, — говорю полушёпотом. Смотрю в его глаза — они темнеют с каждым моим словом. — Так хочу, что меня трясёт от одного взгляда в твою сторону.

На адреналине подаюсь ближе. Так близко, что его губы в сантиметре от моих. Он опускает взгляд. Сглатывает.

— Я так хочу тебе врезать, Головин, — насмешливо бросаю, отстраняясь. — Что с трудом сдерживаюсь.

Толкаю его в грудь. Он отшатывается.

— Вот как.

Снова нависает надо мной. Только теперь его руки не на стене — на моих плечах. Одна поднимается, хватая за подбородок. Большой палец легонько касается моей нижней губы.

— А если я тебя поцелую, — тихо спрашивает он, — какие чувства это в тебе вызовет?

— Отвращение.

Я мотаю головой, сбрасывая его руку.

— Проверим?

И целует.

Его губы — упругие, горячие — обрушиваются на мои, вытесняя любые мысли. Я должна сопротивляться. Оттолкнуть. Влепить пощёчину.

А не прижиматься. Не отвечать с дикой страстью. Не обвивать его шею руками, притягивая ближе. Не выгибаться от его касаний, когда его ладони скользят по талии, спускаются к бёдрам, сжимают их, прижимая меня теснее.

Я выдыхаю ему в рот. Цепляюсь сильнее.

— Я был прав, — говорит он, отстраняясь. Смотрит так, что сердце готово выпрыгнуть. — Знал бы я раньше, что ты такая страстная...

Я всё же делаю то, что должна была несколько минут назад.

Пощёчина.

Звонкая. Хлесткая. Он даже не пытается уклониться. Не перехватывает мою руку — хотя мог бы. Легко.

— Урод.

— И всё? — нахально спрашивает он.

Я разворачиваюсь. Ухожу.

В следующий раз — сбегу. Завидев этого козла, сразу сбегу. Никогда больше не повторю своей ошибки. Никогда.

Но губы горят.
А на теле всё ещё чувствуются его касания.

Глава 1

До производственной практики оставалось всего несколько недель, и с каждым днем тревога скручивала желудок все туже. Мысль о том, что решается моё будущее, не давала спокойно спать уже третью ночь. На потоке нас, претендентов, идущих на красный диплом, было трое. А место в престижной компании — всего одно. Одно-единственное место в крупнейшей транспортной компании края, куда мечтали попасть абсолютно все. Если я туда попаду и смогу зарекомендовать себя, считай, что жизнь удалась: трудоустройство гарантировано, можно забыть о страхе «а что я буду делать после выпуска».

Была только одна крошечная, но очень жирная проблема. Эта компания принадлежала семье человека, о котором я поклялась себе никогда не вспоминать. Головины. Неделью я ходила сама не своя, убеждая себя, что вероятность встретиться с Андреем крайне мала.

Но отказаться от шанса? Из-за него? Из-за того, что какой-то самовлюбленный кретин, портивший мне жизнь пять лет назад, может случайно пересечься со мной в лифте? Нет уж. Я не собиралась отказываться от своего будущего из-за такой, в сущности, мелочи, как моя старая, застарелая ненависть. Я слишком долго шла к тому, чтобы иметь право на что-то большее.

Я сидела в пустой аудитории, уткнувшись в телефон, и делала вид, что читаю конспект. На самом деле пару дней назад я скачала новый любовный роман одной популярной писательницы и теперь тайно, как подросток, проглатывала страницу за страницей. Текст там был такой, что через каждые две главы хотелось открыть окно и кричать: «Так не бывает!». Но я всё равно читала, потому что именно там, в этой выдуманной реальности, всё было просто и понятно. На экране как раз разворачивалась сцена, где главный герой — высокий, brutальный красавец с идеальной внешностью — наконец-то признавался героине в любви, и у меня внутри всё сладко замирало в предвкушении хэппи-энда.

— Наська! — Лера плюхнулась на соседний стул и бесцеремонно заглянула в мой телефон.

Я вздрогнула и моментально заблокировала телефон, с болью в сердце обрывая признание красавчика на полуслове. Щёки предательски вспыхнули.

— Лерок, — выдохнула, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вечно ты не вовремя.

С Лерой у нас были странные отношения — ни дружба, ни приятельство. Мы скорее существовали в состоянии перманентной, но доброй войны. Вечно подкалывали друг друга, называли не самыми приятными сокращёнными именами, но при этом я точно знала: если что, она прикроет.

— Понимаю, вопрос сейчас будет странный, — Лера посмотрела на меня с непривычной серьёзностью, отчего я насторожилась. — Но всё же спрошу. Ты к разврату как относишься?

Я моргнула. Из всех вопросов, которые я ожидала услышать в стенах альма-матер за двадцать минут до пары по экономике, этот был, пожалуй, в топ-3 самых неожиданных.

— Ну... — я выдержала театральную паузу, медленно, очень демонстративно перевела взгляд по её фигуре, задерживаясь на пышной груди третьего размера, потом перевела взгляд на ярко-рыжие локоны, рассыпавшиеся по плечам, и выразительные зелёные глаза. Лера по праву считалась самой горячей девушкой потока, и сейчас она смотрела на меня в упор, ожидая вердикта. — Детка, ты, конечно, прекрасна, но всё же я предпочитаю мужчин. Хотя... — я положила руку ей на плечо и притянула к себе, понижая голос до заговорщического шёпота. — Когда я разочаруюсь окончательно в мужиках — сразу к тебе.

— Даже не мечтай! — Лера шлёпнула меня по руке, убирая её. — Я к тебе, конечно, всей душой, но в паре у кого-то одного должны быть большие сиськи.

Она многозначительно посмотрела на мою грудь, и я фыркнула. Да, тут крыть было нечем. Пятый размер груди и пятьдесят второй размер одежды — это не то, что можно скрыть

или игнорировать. В старших классах я ненавидела свое отражение. Чувствовала себя коро- вой, неповоротливой и неуклюжей. Я перепробовала кучу диет, однажды даже добила- сь сорок восьмого размера, но долго не продержалась — организм взбунтовался, вес вернулся, да ещё и с процентами. Потребовались годы, чтобы научиться принимать себя. Годы терапии, кучи про- смотренных видео о бодипозитиве и бесконечных разговоров с самой собой перед зеркалом. Сейчас я была уже близка к тому, чтобы полюбить себя. Почти. Широкие бёдра, выраженная талия, пухлые губы, аккуратный нос, карие глаза и длинные густые каштановые волосы — я научилась видеть в этом не повод для комплексов, а свою фишку.

— Так что ты хочешь? — вынырнув из недолгих размышлений о собственной внешности, спросила её.

— Да вот, — Лера полезла в рюкзак и с видом фокусника, достающего кролика из шляпы, вытащила два билета. — Подогнали на ДР.

Она протянула их мне. На глянцевого бумаге красовалась интригующая надпись: «Шоу под дождём». Дата — через два дня.

— Это не та ли постановка, в которой полуголые мужики танцуют, пока на них льётся вода? — уточнила, приподнимая бровь.

— Она самая, — довольно разулыбалась Лера. — Пойдёшь?

— Ты же знаешь, я за любой кипиш, кроме голодовки, — ответила, откидываясь на спинку стула. Пара ещё не началась, и в аудитории, кроме нас, были только близняшки с последней парты, которые о чём-то оживлённо шептались, склонив головы друг к другу. — А что ты Анисимову не позвала?

— Шутишь? — Лера закатила глаза с таким выражением, будто я предложила пригласить на шоу декана. — Мне ещё её не хватало. Она же бешеная.

Я понимающе кивнула. Анисимова, наша староста, была тем ещё персонажем. Добрая, да, спору нет. Но с приветом. Могла вычудить в любой момент — например, начать читать лекцию преподавателю о том, что он предвзято к кому-то относится, или прийти на экзамен в карнавальном костюме, потому что «так захотелось». Никто никогда не знал, что именно её спровоцирует и чего от неё ждать в следующую секунду. Но когда она молчала, с ней было вполне комфортно. Вот с ней и с Лерой у меня и сложились вполне добрые отношения. Осто- рожные, с долей иронии, но настоящие. С остальными же одногруппниками — так, нейтралитет. Никто никого не трогал, но и особого тепла не возникало. Меня это устраивало.

Я ещё раз взглянула на билеты и почувствовала, как внутри затеплилось предвкушение. Полуголые мужики, танцующие под дождём — звучало как идеальный способ отвлечься от мыслей о практике и надвигающейся взрослой жизни. Хотя бы на один вечер.

Глава 2

Воскресенье. Мой единственный законный выходной, и я планировала провести его с максимальной пользой для души и тела. А именно — не делать ничего. Совсем. Абсолютно. Разве что прочитать очередной любовный романчик, который я заботливо припрятала среди учебников, подальше от маминых глаз.

Я лежала на диване в гостиной, закутавшись в плед, и в который раз задавалась вопросом: где же они, эти красивые, обалденные мужики, про которых пачками пишут книги? Ну серьезно. Те, от одного взгляда которых сердце выпрыгивает из груди. Те, кто готовы на широкие жесты, на безумства, на подвиги ради любимой женщины. Увы и ах, в реальной жизни таких, видимо, не существует. Или они очень хорошо маскируются под обычных парней, которые забывают дарить цветы и не говорят комплиментов.

Но сегодня меня это не расстраивало. Сегодня у меня был роман, а значит, я могла пережить чужую идеальную любовь, не вставая с дивана.

День был полностью мой. Родители с утра уехали в другой город к старшей сестре — нянчиться с племянниками. Сестра родила двойню год назад, и теперь каждый визит родителей был для неё спасением, а для меня — законным поводом занять всю квартиру. Первое, что я сделала, проводив их, — с облегчением выдохнула и поклялась не снимать пижаму до самого вечера.

Мама всегда ворчит, когда видит меня в этой пижаме. Мол, ты уже взрослая девушка, а ходишь как ребенок. Но моя любимая, теплая, плюшевая пижама с медведями — это святое. В ней я чувствую себя в безопасности. В ней можно есть печенье, крошить на себя и не переживать. В ней можно свернуться калачиком и читать до глубокой ночи.

Я заправила кровать, соорудила огромную кружку чая с лимоном и медом, настрогала бутербродиков с сыром и открыла новую книгу. Мир вокруг перестал существовать. Я погрузилась в драму, страсти, ссоры и примирения, и где-то на середине особенно жаркой сцены мой телефон взорвался вызовом.

Видеозвонок от Леры.

Я вздохнула, поправила сползшее одеяло и нажала «принять». На экране появилось возмущенное лицо подруги.

— Ложечкина, ты что, только встала?! — воскликнула она таким тоном, будто застучала меня за преступлением.

— Нет, — миролюбиво ответила, переворачиваясь на спину и поднося телефон к лицу. — Просто наслаждаюсь воскресеньем. Это называется релакс, Парамонова. Попробуй как-нибудь.

— Да ты издеваешься! — Лера закатила глаза так выразительно, что я почти уверена, увидела мозг. — Мы, между прочим, сегодня идем на театральное представление!

— О, как ты обозвала стриптиз, — хмыкнула я.

— Это не стриптиз, а танцы! Танцы, искусство, эстетика! — Лера надулась, но тут же сменила тон на требовательный. — Ладно, я не об этом. Начало через пять часов, а ты даже не начала готовиться!

— Пять часов? — я приподняла бровь. — Ты так говоришь, словно нам уже выходить нужно. Я вполне способна собраться за час. За полтора, если с душем.

— Ясно всё с тобой, — Лера трагически вздохнула. — Я вообще-то хотела кучу фоток наделать. Красивых. А не так, будто бомжа выгуливаю.

— Парамонова, не наглей, — предупредила, но в голосе уже прорезалась улыбка.

— Так-с, — Лера подняла палец вверх. — Я возле тебя буду через часик. Мне нужна рядом красотуля, готовая к приключениям, а не это вот всё, — она обвела пальцем экран, намекая на мою пижаму и растрёпанные волосы, и отключилась, не дожидаясь ответа.

Я уставилась в потолок. Красивые парни — это, конечно, хорошо. Но мой уютный выходной с книжкой, чаем и полным отсутствием необходимости надевать лифчик... Он был безнадежно испорчен.

Пришлось вставать. С кряхтением, как столетняя бабулька, я вылезла из пледа и поплелась переодеваться. А заодно приберусь немного — чем, кстати, планировала заниматься не раньше завтрашнего утра, перед приездом родителей.

Ровно через час, как и было обещано, раздался звонок в домофон. Я открыла дверь, и спустя пять минут в прихожую ворвалась Лера. Но не с пустыми руками. В одной руке у неё была огромная косметичка, размером с небольшую спортивную сумку, в другой — два шуршащих пакета.

— Ну и на фига ты всё это припёрла? — спросила, закрывая за ней дверь. — У меня, вообще-то, своя косметика есть. И, между прочим, неплохая.

— Лишним не будет, — авторитетно заявила Лера, стаскивая сапоги. — К тому же я от тебя пойду. Дома атмосфера не располагает к сборам.

— Что стряслось? — я взяла у неё пальто и повесила на вешалку.

— У родителей вторая молодость, представляешь? — Лера закатила глаза, но на губах играла довольная улыбка. — Мама вчера купила какое-то бельё... папе на день рождения. И они теперь ходят по квартире и делают друг другу глазки. Я, конечно, взрослая девочка, но смотреть на их заигрывания и слушать ахи-вздохи за стенкой я вот совсем не готова. Спасибо, психика мне ещё нужна.

Я фыркнула.

— Могла бы и порадоваться за родителей. Многие в их возрасте разводятся, а у твоих любовь.

— Я рада, — Лера вздохнула с драматическим выражением лица. — Очень рада. Но пусть они любят друг друга где-нибудь подальше от моих ушей. Хотя бы на один вечер.

Она схватила свою огромную косметичку, сунула мне в руки пакеты и скомандовала тоном генерала:

— Веди меня в свою обитель. У нас мало времени, а сделать из тебя конфетку — задача не из лёгких.

— Ах ты ж... — начала я, но Лера уже уверенно топала по коридору в сторону моей комнаты, прекрасно зная дорогу.

Я вздохнула и поплелась за ней. Ладно, конфетка так конфетка. Зато будет что вспомнить. И, может быть, эти полуголые танцоры под дождём действительно стоят того, чтобы ради них отложить интересную книгу и снять любимую пижаму с медведями.

Глава 3

Всё же что-то в этом есть. В этой девчачьей суете, в том, чтобы делать маски, болтать о всякой ерунде и смеяться громко, искренне, от души, пока лицо покрыто зеленой глиной и нельзя сильно двигать мимикой. Мы говорили обо всем и ни о чем одновременно: о новом парне Леры который, как всегда, "не тот", о предстоящей практике, о мелких проблемах и неурядицах.

На все эти процедуры — душ, маски, крема и болтовню — ушло часа три. Волосы наконец-то подсохли, и Лера колдовала над ними, накручивая последние пряди на бигуди.

— Уже решила, в чём пойдёшь? — спросила она, закрепляя непослушный локон.

— А то ж, — я встала и подошла к шкафу вытаскивая на свет божий свои любимые чёрные джинсы и блузку.

Я достала их и с гордостью продемонстрировала Лерке. Джинсы — идеальные, сидят как влитые. Блузка — тёмно-синяя, с аккуратным вырезом и кружевными вставками по бокам. Классика. Удобно. Красиво.

Лера посмотрела на мой комплект так, будто я решила надеть мешок из-под картошки.

— Ну нет, — разочарованно протянула она. — Ты серьёзно? Это вообще не то. Платье есть?

— Конечно нет, — я пожала плечами и положила вещи на кровать. — Я их не особо люблю.

— Наська, ты меня убиваешь, — Лера театрально взялась за сердце, а потом резко вскочила и схватила те самые пакеты, с которыми пришла и вывалила содержимое на мою кровать.

Я ахнула. На покрывале образовалась гора одежды. Топы, юбки, какие-то блестящие штуки, явно купленные специально для такого случая.

— Ты что, решила переехать ко мне? — я уставилась на это великолепие. — Ты не подумай, я, конечно, не против, но родители явно в восторге не будут.

— Ты не шаришь, детка, — отмахнулась Лера, уже роясь в куче. — Это я ещё устроила жёсткий отбор. Кто знает, какой именно макияж выйдет и что к нему подойдёт? Надо иметь варианты.

Чёрный топ полетел в одну сторону, белый — в другую. Потом она извлекла нечто, от чего у меня глаза полезли на лоб.

Это был топ. Вязаный. Блестящий. И дырок в нём было больше, чем самого материала. Если честно, он напоминал рыболовную сеть, которую забыли вынуть из воды и слегка припорошили блестками.

— Примерь, — Лера сунула это недоразумение мне в руки.

— Вот это? — я взяла двумя пальцами эту сомнительную вещицу. — Ни за что.

— Не упрямься. Взрослая девка. В твоём возрасте многие замуж выходят, рожать начинают. А ты мне хочешь сказать, что стесняешься?

— Тебя что, моя мама укусила? — я прищурилась. — Один в один поёшь. "Настя, ты уже взрослая, а ходишь как девочка", "Настя, пора бы уже найти парня", "Настя, почему ты не носишь платья"...

— Так, кругляш, не ерепенься. Примеряй, сказала, — Лера упёрла руки в бока.

Я вздохнула. Спорить с этой рыжей катастрофой было себе дороже. К тому же, примерка — это не значит пойти в этом. Можно просто надеть, показать ей, она поймёт, что это ужасно, и мы вернёмся к моей блузке.

— Вот уверена, что когда-нибудь за свой ядовитый язык ты отхватишь по полной, — проворчала, забирая топ. — Давай сюда этот кошмар.

Я скрылась за дверцей шкафа и натянула на себя это. Сначала застряла головой в одной из дырок, потом поняла, что дырка — это и есть горловина, а потом, когда топ наконец занял своё место, я посмотрела в зеркало и замерла.

Сидел он... нормально. На Лерке, наверное, был посвободнее. Мне же грудь обтянуло так, что кружево бюстгальтера можно легко рассмотреть сквозь дыры. Рукава короткие, фасон интересный. Если сверху что-то набросить — будет вполне ничего.

— Ну вот, посмотри, как классно сидит! — Лера всплеснула руками, когда я вышла из-за ширмы.

Я повернулась к зеркалу в пол, которое стояло у стены. Смотрела на своё отражение и понимала: как бы мне ни нравилось то, что я вижу а видела я вполне себе привлекательную девушку с формами, в которых нечего стыдиться, пойти так куда-то я вряд ли решусь. Комплексы, взращённые с детства, не так-то просто побороть. Даже за пять лет. Казалось бы, я научилась принимать себя, но одно дело — принимать, и совсем другое — выставить всё это напоказ.

— Не, Лер, — я покачала головой, снимая топ. — Это не моё.

Я надела свою любимую тёмно-синюю блузку и почувствовала, как напряжение отпускает. Вот так — правильно. Уютно. Безопасно.

— В этом ты мне бабулю напоминаешь, — Лера закатила глаза. — Осталось только гульку сверху накрутить и шаль накинуть.

— Не утрируй, — я махнула на неё рукой, но в зеркало всё же глянула. Нет, нормальная блузка. Красивая.

Дальше сборы пошли спокойно. Я занялась макияжем: подчеркнула глаза стрелками, нанесла неброскую помаду — мне нравилось то, что выходило. Оставалось только снять бигуди, и я буду готова. Лера тем временем колдовала над своим нарядом.

— Как тебе? — она покрутилась передо мной.

Платье было бордовым, длиной чуть выше колен. Спереди оно выглядело вполне прилично — закрытая горловина, элегантный крой. Но когда Лера повернулась, я увидела сзади вырез. Глубокий. Очень глубокий. Практически до самой задницы.

— Если тебя украдут в сексуальное рабство в этом платье, я не удивлюсь, — вынесла свой вердикт.

— Значит, это именно то, что нужно! — задорно ответила Лера, включая утюжок для волос.

Мы ещё немного повозились с причёсками, и за пятнадцать минут до выхода я вдруг поняла, что стою перед зеркалом в том самом "рыболовном" топе. Каким-то неведомым чудом Лерке удалось меня уговорить. Я смотрела на себя и не верила, что согласилась. Сквозь дыры отчётливо просвечивало кружево бюстгальтера, и это выглядело... смело. Очень смело.

Сверху я накинула чёрную объёмную рубашку от костюма и, когда мы вышли в подъезд, застегнулась на все пуговицы. До последнего.

На улице я поняла, почему Лерке было не лень переть пакеты ко мне. Ей наконец-то вернули машину из сервиса, и вечер обещал быть комфортным. Мы погрузили её пакеты, косметичку и загрузились сами.

— Ну что, — Лера хитро посмотрела на меня, заводя мотор. — Готова к разврату?

— Я готова к полуголым мужикам под дождём, — поправила, врубив подогрев сидений.

Она рассмеялась, и мы тронулись в путь. За окнами мелькали огни вечернего города, а в груди трепетало странное предвкушение. В конце концов, даже если это будет полная ерунда, у нас хотя бы останутся фотки и история. А что ещё нужно для идеального вечера?

Глава 4

Мы вошли внутрь ДК, и меня сразу же окутала атмосфера предвкушения. Вестибюль гудел женскими голосами — от хихикающих студенток до солидных дам в возрасте, которые явно пришли оторваться по полной. В воздухе пахло духами и легким возбуждением. Где-то в очереди в буфет громко смеялись, обсуждая такие темы, что даже очень опытным женщинам станет стыдно.

Мы с Лерой сдали верхнюю одежду в гардероб и пошли искать свои места. Билеты оказались на третий ряд — очень удачно. Зал был поделен на три секции, и мы сидели во второй, с краю. Отсюда открывался отличный обзор на сцену.

Я огляделась. Зал заполнялся быстро. Женщины рассаживались, перешептываясь. Кто-то уже доставал телефоны, готовясь снимать. Лера рядом со мной нетерпеливо ерзала и то и дело зачем-то поглядывала по сторонам.

— Ну чего так долго? — шипела она, вглядываясь в еще закрытый занавес.

— Успокойся, дай людям сесть, — усмехнулась, хотя внутри тоже начинало закручиваться предвкушение.

Минут десять, а может и все пятнадцать, ушло на то, чтобы зал наконец заполнился до отказа. Не было ни одного свободного места — я специально огляделась.

И вот свет начал гаснуть.

Мягко, постепенно, пока зал не погрузился в полумрак. Осталась освещенной только сцена — ярко, сочно, маняще. Из динамиков полилась тягучая, чувственная музыка, от которой по коже побежали мурашки.

И тут они вышли.

Мужчины. Шестеро. В белых рубашках, черных брюках и черных полумасках на лицах. Они двигались синхронно, хищно, плавно, и зал выдохнул единым вздохом восхищения.

Представление началось.

Сверху хлынула вода. Тонкие струи обрушились на сцену, мгновенно намочив рубашки, которые прилипли к телам, обрисовывая каждый мускул, каждый изгиб. Они танцевали под дождем, скользили, изгибались, и это было красиво. Очень красиво.

А потом настал тот момент, которого ждали все.

Парни синхронно рванули ворот рубашек, и ткань с лёгкостью разошлась. Они сбросили мокрые лохмотья на пол, оставшись в одних брюках, и зал взорвался. Крики, визги, аплодисменты — стоял настоящий гул.

— Я же говорила! — Лера трясла меня за руку, подпрыгивая на месте. — Ты видишь это?!

Я видела. Красиво, развратно и завлекательно. Но, как ни странно, того самого вау-эффекта, от которого подгибаются колени, я не испытывала. Смотрела, оценивала, но внутри было спокойно. Мужчины не цепляли.

Кроме одного.

Крайний справа.

Он двигался иначе. Чуть более хищно, чуть более властно. В нем чувствовалась порода, которую не спрячешь ни за маской, ни за струями воды. Каждое его движение было отточенным, но при этом естественным, будто он не танцевал, а жил в этом ритме.

И что-то в нем неуловимо напоминало мне кого-то.

Я не могла понять, что именно. Фигура? Поворот головы? То, как он проводил рукой по груди, сбрасывая воду? Я смотрела на него как замороженная, следя за каждой каплей, стекающей по его телу. Штаны давно промокли насквозь и прилипли так, что скрывать было нечего. Совсем нечего. Я сглотнула и отвела взгляд, но через секунду снова вернулась к нему.

Это было наваждение.

Представление подходило к концу, и я выдохнула с облегчением. Сейчас опустят занавес, зажгут свет, и мы пойдем домой обсуждать увиденное.

Но не тут-то было.

Парни спустились в зал.

Они пошли по рядам, останавливаясь возле зрительниц, протягивая руки, приглашая на сцену для финального интерактива. Женщины визжали, кто-то тянул руки сам, кто-то, наоборот, смущенно отказывался.

Краем глаза я видела, как одна девушка из правого ряда от нас покачала головой, и подошедший к ней танцор двинулся дальше.

И тут он остановился возле меня.

Тот самый. Крайний справа.

Он протянул руку. Ладонь была широкой, сильной, мокрой. На губах играла улыбка — порочная, сексуальная, от которой внутри что-то екнуло. Маска скрывала верхнюю часть лица, но эта улыбка... Она проникала под кожу.

Я могла отказаться. У меня была секунда, чтобы мотнуть головой, и он ушел бы к другой.

Но я не мотнула.

Сама не знаю, что меня дернуло. Может, эта улыбка. Может, глупость. Может, то самое предчувствие, которое шептало: «Сделай это, не пожалеешь».

Я протянула руку и вложила свою ладонь в его.

Он сжал пальцы и резко дернул меня вверх. Я вскочила с места, едва не споткнувшись, но он уже подхватил меня, наклонился, и в следующую секунду я оказалась у него на плече.

«Офигеть, какая сила», — только и успела подумать, пока меня несли к сцене.

Лера провожала меня восторженным взглядом и хлопала вместе со всеми. Я видела ее лицо, когда меня перекидывали через плечо — она просто умирала от счастья и хохотала в голос. Предательница.

На сцене он опустил меня на пол, но не отпустил. Развернул к себе спиной, наклонился к самому уху. Горячее дыхание обожгло кожу.

— Просто стой и не сопротивляйся. Я все сделаю сам.

Голос. Низкий, чуть хриплый. И снова это дурацкое чувство, что я его знаю. Что где-то уже слышала. Но память, как назло, молчала, забитая адреналином и смущением.

Он положил одну руку мне на живот и резко прижал к себе. Я вжалась спиной в его грудь — мокрую, горячую, пульсирующую. Второй рукой он медленно провел по моему левому плечу, пальцами вниз по ладони, и поднял мою руку к своим губам.

Его губы коснулись моего запястья. Обжигающе. Медленно. Я забыла, как дышать.

Музыка заиграла снова, и он начал двигаться. Плавно раскачивая нас обоих, ведя меня за собой в странном, чувственном танце. Я чувствовала каждое движение его тела — бедра, грудь, руки, которые то сжимали меня, то отпускали, дразня.

Потом резкий разворот, и я снова стою лицом к нему. Он поднял мой подбородок, наклонился.

Близко. Слишком близко.

На мгновение мне показалось, что сейчас он меня поцелует. Сердце пропустило удар, губы приоткрылись сами собой...

Но нет.

Я увидела его глаза.

Сквозь прорези маски. Те самые глаза. Наглые, самоуверенные, с хищным прищуром. Вместе с этой порочной улыбкой они сложились в картинку, от которой у меня внутри все рухнуло.

Я замерла.

Не может быть.

Это просто игра света. Тень упала. Мне показалось. Этого просто не может быть.

Я застыла статуей, пока он продолжал танцевать вокруг меня, переставляя мое тело, которое подчинялось каждому его касанию. Я не сопротивлялась — я просто не могла пошевелиться. Потому что если это правда... Если это действительно он...

В конце танца он прижал меня к себе. Сильно. Его ладони легли на мои лопатки, и я оказалась прижата к его мокрой груди. Мои губы оказались возле его уха.

И я не сдержалась.

— Головин? — хрипло выдохнула.

Он замер.

В одно мгновение его тело превратилось в камень. Руки сжались сильнее, потом ослабли. Он медленно отстранился и заглянул мне в глаза.

И я поняла. Все.

В его глазах плескалось столько всего, что я не могла разобрать и сотой доли. Что-то темное, горячее, от чего у меня перехватило дыхание.

Я не стала ждать.

Не стала слушать, что он скажет.

Просто отстранилась, развернулась и пошла со сцены.

Мне повезло — интерактив как раз заканчивался. Других девушек танцоры проводили к ступеням, изображая галантных кавалеров. Я же спустилась первая. Быстрым шагом, почти бегом, я шла к своему месту, сжимая кулаки и изо всех сил подавляя желание обернуться.

Я чувствовала его взгляд спиной. Тяжелый, горячий, пронизывающий.

Но я не обернулась.

Не сейчас.

Дорогие мои, любимые читатели! Если вам нравится книга, не забывайте добавлять в библиотеку. И я буду очень рада вашим комментариям, любым, за исключением тех, что несут в себе оскорбления или откровенный спойлер. И конечно же подписывайтесь на автора, чтобы не пропустить горячие новинки####

С любовью, Тина Сладкова.##

Глава 5

— Пошли, — схватив Леру за руку, я буквально потащила ее из зала. Прочь. Быстрее. Подальше от этой сцены, от этого взгляда, который до сих пор жег спину, проникал под кожу.

— Ты чего? — Лера едва поспевала за мной на своих шпильках, цокая ими по плитке. — Ты какая-то странная. Тебе что, не понравилось на сцене?

— Всё замечательно, — выдохнула, прибавляя шаг. Голос звучал неестественно, слишком бодро, слишком фальшиво. — Просто в туалет хочу. Очень.

— А-а-а, — понимающе протянула Лера и захихикала. — Ну да, если бы меня так зажимал полуголый красавчик, я бы тоже от счастья чуть не описалась.

— Ты неисправима, — припечатала, когда мы вылетели из зала в прохладный коридор ДК.

— Ладно, ты иди, сикай, — Лера махнула рукой в сторону туалетов. — А я пока за нашими куртками сгоняю. Встречаемся у выхода.

Я кивнула и нырнула в дамскую комнату.

Дверь закрылась за спиной, отсекая гул голосов и музыку. Здесь было пусто и тихо. Только мерное гудение ламп и резковатый запах хлорки, смешанный с дешевым освежителем воздуха. Я подошла к раковине, вцепилась в холодный край побелевшими пальцами и уставилась на свое отражение.

На меня смотрела бледная девушка с расширенными зрачками и дрожащими губами. Щеки горели лихорадочным румянцем, хотя в помещении было прохладно. Я пустила воду и принялась яростно плескать себе в лицо, пытаюсь смыть это наваждение, смыть его прикосновения, его дыхание, его глаза.

Холодные капли стекали по шее, скатывались к груди. Я терла щеки, лоб, губы — особенно губы, которые до сих пор горели от его дыхания, от его пальца, которым он провел по моей нижней губе, от этого проклятого поцелуя, которого не было, но который мне померещился с такой пугающей отчетливостью.

Я терла их, пока кожа не защипало.

— Очнись, — прошептала своему отражению, глядя в расширенные, испуганные глаза. — Это просто совпадение. Просто неудачный вечер. Ему нет до тебя дела. Он не будет тебя искать. Забудь.

Но внутри все сжималось от липкого, холодного страха, который полз по позвоночнику, оставляя после себя мурашки.

Мне все чудилось, что Головин, как черт из табакерки, выскочит сейчас из любой кабинки, схватит, прижмет к стене, прошипит очередную гадость. Воображение, спасибо рассмотренным в нежные семнадцать ужасикам, рисовало самые жуткие картины. Аж мороз по коже прошёлся.

Я промокнула лицо бумажным полотенцем, поправила волосы, глубоко вздохнула и заставила себя выйти.

Лера уже ждала у выхода с нашими куртками в охапке, переминаясь с ноги на ногу.

— На, одевайся, — сунула она мне мою. — Там на улице жуть что творится.

Мы вышли, вливаясь в толпу возбужденных женщин, которые все еще перемывали косточки танцорам. Я подняла голову, смотря на тучи. Они собрались над городом тяжелой свинцовой массой, нависали так низко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Воздух был влажным, холодным, давящим. Вот-вот должен был хлынуть дождь. Я поежилась и застегнула куртку под самое горло, спрятав подбородок в воротник.

Все впечатления от вечера были напрочь испорчены этой встречей. Моим личным кошмаром, материализовавшимся из прошлого. Ох, не к добру это. Чувствовала нутром — не к

добру. Слишком спокойно жила последние пять лет. Слишком хорошо. Вселенная, видимо, решила восстановить баланс.

— Ну что, куда рванем? — Лера бодро подпрыгнула на месте, поправляя сползающую с плеча сумку. Ее энтузиазм казался чем-то инородным в моем состоянии.

— По домам, естественно, — буркнула, доставая телефон, чтобы вызвать такси.

— Ложечкина! — Лера молниеносно выхватила телефон у меня из рук и спрятала за спину. — Имей совесть! Это ты на сцене с полуголым мужиком куражилась, пока я в зале сидела и завидовала белой завистью. Мне веселья не хватает! И нормальных фоток. А не этих, — она пренебрежительно махнула рукой, — снятых на коленке.

— Да ну? — я уперла руки в бока, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Оно было спасительным — лучше злиться на Лерку, чем трястись от страха перед Головиным. — А сто фотографий на ступенях ДК? Потом столько же внутри? А в зале? Ты меня гоняла как профессиональную модель!

Я с содроганием вспомнила этот кошмар. Как Лера заставляла меня поворачиваться то так, то эдак, ловить свет, убирать волосы с лица, не шуриться, улыбаться естественно.

— Всё равно мало, — отмахнулась Лера, даже не моргнув глазом. — Качественных кадров мало. Пошли хотя бы в «Лагуну»?

Она сложила руки в молитвенном жесте, склонила голову набок и сделала такое просящее лицо, что отказать было решительно невозможно. Щенячий взгляд, натренированный годами выпрашивания у родителей разрешения погулять допоздна. Добавь сюда поджатые губы и легкое хлопанье ресницами — и вот она, непробиваемая броня.

Я устало махнула рукой. Куражить так куражить. Тем более что перспектива оставаться наедине со своими мыслями пугала сейчас почти так же сильно, как перспектива снова столкнуться с Головиным.

Бар «Лагуна» находился в соседнем здании, буквально в двух шагах. Когда мы вошли, нас накрыло волной тепла, громкой музыки и женского смеха. Почти все зрительницы с шюю подтянулись сюда — я узнавала лица, мелькавшие в зале. Было шумно, весело, людно. Кто-то уже вовсю отплясывал, кто-то облепил барную стойку, кто-то хохотал над шутками в компании подруг. Мест практически не осталось, но когда это смущало Лерку?

Мы притулились у барной стойки, втиснувшись между двумя женщинами в блестящих платьях. Они оживленно обсуждали, у кого из танцоров «самая аппетитная попка» и «как тот, крайний слева, смотрел прямо на меня!».

— Нам пять шотов! — уверенно заказала Лера, перекрикивая музыку.

Бармен, молодой парень с татуировками на руках и хитрой улыбкой, усмехнулся и ловко выставил перед нами ряд рюмок с янтарной жидкостью.

Лера пила ради веселья — залпом, с улыбкой, закусывая долькой лимона и довольно жмурясь, как сытая кошка.

Я пила, чтобы заглушить.

Чтобы заглушить всколыхнувшиеся чувства. Воспоминания, которые я пыталась стереть из памяти долгих пять лет. Чтобы забыть этот взгляд, эти глаза в прорезях маски, этот низкий голос, который шептал мне на ухо, обжигая дыханием. Чтобы перестать чувствовать на губах его дыхание, на талии — его руки, на запястье — его пальцы.

После шотов пошел коньяк.

— За свободу! — провозгласила Лера, поднимая бокал.

— За забвение, — пробормотала я и опрокинула в себя янтарную жидкость, даже не поморщившись. Горечь показалась уместной.

Поезд разогнался и не собирался останавливаться. Мы переместились на танцпол, где было не протолкнуться — тела, руки, мелькающий свет, тяжелый бас, отдающий в груди. Танцевали от души, отрываясь по полной. Лера крутила задом, привлекая внимание парней, хохоча.

тала, запрокидывая голову. А я просто двигалась в такт музыке, закрыв глаза, позволяя ритму вытрясти из головы все мысли, оставить только пустоту.

Дальше помню смутно. Обрывками. Кадрами.

Чьи-то сильные руки, подхватывающие меня, когда я споткнулась на выходе. Леркин заливистый смех где-то рядом. Мой собственный, немного пьяный, немного истеричный хохот в ответ. Мелькание фонарей за окном машины — желтые пятна, расплывающиеся в темноте. И словно отрывки из сна, слишком реальные для сновидения: сильные и нежные мужские руки на моем теле, осторожные, бережные.

А потом — утро.

Я проснулась в своей кровати. Одна. В своей любимой пижаме с медведями. С дикой, просто чудовищной головной болью, которая пульсировала в висках тяжелыми молотами и грозила расколоть черепную коробку на части.

В комнате пахло знакомо и уютно — моим кондиционером для белья, пылью на книгах, остатками духов на тумбочке. Родные стены. Знакомый потолок с одной пожелтевшей плиткой.

Глава 6

Приводить в порядок квартиру и себя после весёлой ночи — скажу прямо, тот ещё квест. Сродни восхождению на Эверест в шлёпанцах. Голова раскалывалась так, будто внутри поселился злобный гном с отбойным молотком. Тошнило при каждом резком движении. А выглядела я... Ну, в общем, без слёз не взглянешь. Зеркало встретило меня бледной физиономией с синяками под глазами и опухшими веками.

Это ж хорошо, что я со всем умудрилась справиться до приезда родителей. Мама, конечно, женщина понимающая, но объяснять ей, почему её дочь выглядит как главная героиня фильма «После вечеринки: Начало», совсем не хотелось. Даже несмотря на то, что мне уже двадцать один год, факт проживания в их квартире никто не отменял. А значит, приходилось следовать определённым правилам: не шуметь после одиннадцати, не устраивать вакханалию, пока их нет, и не пропадать ночами не пойми где.

Я, конечно, очень люблю своих родителей. Правда. Но с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать, я мечтала жить отдельно. Своя крепость, свои правила, никто не спросит «А это ты куда на ночь глядя?» и не зайдёт без стука, когда ты решила поваляться в кровати до обеда. Жаль только, желания катастрофически не совпадали с возможностями. Накопления у меня были — небольшая подушка, которую я старательно откладывала с подработок. Но на съём даже самой скромной однушки в нашем городе этих денег хватило бы месяца на два, а дальше — труба.

Поэтому я очень надеялась получить приглашение на практику в ту самую транспортную компанию. У них, говорят, даже практикантам платят зарплату. Не миллионы, конечно, но на аренду и дошираки хватит. Эх, мечты, мечты...

Утром в универ я собиралась как на казнь. Холодный душ, литр минералки, две таблетки обезболивающего и тональный крем слоем в полсантиметра. Вроде стало лучше.

— Выглядишь скверно, — вместо приветствия сказала Лерка, когда я подошла к аудитории.

Она стояла у стены с таким видом, будто её прожевали и выплюнули. Волосы собраны в хвост, под глазами — синева, в руках — бутылка минералки, которую она прикладывала то ко лбу, то к затылку.

— Ты ещё хуже, — хмыкнула, чмокнув её в щёку. От подруги пахло вчерашним коньяком и отчаянием. — Лерунь, у меня тут провал в памяти. Вчерашний вечер помню смутно, обрывками, как плохой фильм ужасов. Скажи честно, не щадя мою гордость: стоит мне начинать стыдиться или ограничиться лёгкой паникой?

Лера закатила глаза и сделала большой глоток минералки.

— Здорово ты придумала. Я, если честно, тоже ничегошеньки не помню после того, как мы переместились в бар. — Она поморщилась, пытаясь сосредоточиться. — Помню только танцы, громкую музыку и то, что было весело. А как я дома оказалась — вообще без вариантов. Провал.

— А в телефоне? — вырвалось у меня одновременно с ней.

Мы переглянулись. В глазах Леры плеснулся ужас пополам с любопытством. Я молниеносно выхватила свой телефон, Лера — свой.

Я открыла галерею. Пролистала вчерашние снимки. Фотографии с шоу, пара кадров возле барной стойки, мы с Леркой обнимаемся, смеёмся... А вот дальше — пустота. Точнее, пара коротких видео на танцполе, но толку от них — ноль. Мелькающие огни, чьи-то спины, музыка долбит так, что динамики хрипят. Ничего полезного.

— Твою мать, — простонала Лера таким голосом, что я подскочила на месте.

Я заглянула в её телефон и застыла.

О, Лере вчера было весело. Это мягко сказано. На фотографиях и куче видео подруга красовалась в обнимку с каким-то мужчиной. Опознать его не представлялось возможным — лица не видно, только смазанные очертания, затылок, плечи. На некоторых кадрах можно было разглядеть разве что цвет рубашки и то, что он вроде бы брюнет. А на видео, которые, судя по ракурсу, снимала я, Лера жарко целовалась с этим неизвестным товарищем, а мой собственный голос за кадром комментировал происходящее:

— Опа, смотрите-ка, наша Парамонова даёт жару! Ставки, девочки, ставки! Съест она его или не съест? Я ставлю на «съест»!

Я зажмурилась. Потом открыла глаза и уставилась на Леру.

— Это полный швах, — задушенно произнесла она, и я впервые в жизни увидела, как Лера краснеет. По-настоящему, до кончиков ушей.

— Ага, — согласилась, роняя голову в ладони. — Полный, мать его, звездац.

Мы зашли в аудиторию, плюхнулись на заднюю парту и продолжили расследование, пока остальные студенты не обращали на нас внимание. Я сидела, уткнувшись в телефон, и с ужасом листала галерею.

Вот я на переднем сиденье чьей-то машины. Снимаю, как Лерка обжимается с кем-то на заднем. Комментирую, хихикаю, подначиваю. А вот кто водитель — не установлено. Я ни разу его не сняла. Если и переводила камеру, то в кадр попадали только руки на руле — сильные, с длинными пальцами — и часть груди, обтянутой тёмной тканью.

Я всматривалась в эти кадры, и внутри что-то странно ёкало. Руки казались смутно знакомыми. Но память, затуманенная алкоголем, выдавала только обрывки ощущений: чьи-то ладони на моей талии, чьё-то дыхание на шее, чьи-то губы...

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение. Ерунда. Померещилось.

На последнем видео Леркин ухажёр, шатаясь и икая, клялся ей в вечной любви, а она, растроганная до слёз, обещала, что никогда его не забудет.

Я перевела полный скорби взгляд на подругу. Лера смотрела в телефон с выражением лица человека, который только что узнал, что его приговорили к казни.

— Ты вот скажи, — прошептала я трагически, — совсем не помнишь, кто это был?

— Нет! — Лера почти взвыла. — И честно скажу: нам и не надо знать. Забудь как страшный сон! — Она принялась судорожно удалять видео, тыкая в экран дрожащим пальцем.

— А если бы нас увезли куда-то? — не унималась я. — В рабство? В сексуальное?

Лера бросила на меня взгляд.

— Ты сейчас реально ужасаешься или просто делишься фантазиями? — фыркнула она, но в голосе проскочили истеричные нотки. — Успокойся, Ложечкина. Главное, что всё хорошо. Наверное.

— Наверное? — переспросила я. — Это самое обнадеживающее «наверное» в моей жизни.

Я откинулась на спинку стула и уставилась в потолок. Мысли в голове путались. С одной стороны — дикий ужас от того, что мы могли вляпаться в какую-то историю. С другой — эти странные, тягучие ощущения, которые остались после вчерашнего.

— Нет, — прошептала я решительно. — Всё. Больше я пить не буду. Вообще. Ни-ни. Только на Новый год шампанское. Бокал. Полбокала. Глоток.

Лера покосилась на меня с сомнением, но промолчала.

Все остальные пары прошли словно в тумане. Преподаватель что-то вещал у доски, я смотрела на него невидящим взглядом, но руки, натренированные годами студенческой жизни, сами выводили конспекты. Слова влетали в одно ухо, вылетали из другого, а перед глазами стояло одно и то же: эти руки на руле, эти пальцы, этот размытый силуэт...

— Насть, — Лера ткнула меня локтем. — Ты чего зависла?

— А? — я моргнула, возвращаясь в реальность. — Да так. Задумалась.

— О чём?

— О том, что «наверное» — это хреновая гарантия безопасности.

Лера вздохнула и снова приложилась к минералке.

— Лер, — позвала я тихо, когда пара уже заканчивалась.

— М?

— А если... если я не просто пила, а ещё и... ну... целовалась? — выпалила я и прикусила губу.

Лера медленно повернула ко мне голову. Глаза у неё стали размером с блюдце.

— Ты помнишь? — выдохнула она.

— Не помню. Но... — я провела пальцами по губам. — Мало ли. И как-то же умудрилась до квартиры дойти ещё и переодеться в пижаму.

Лера сглотнула.

— Это точно не я была, — быстро сказала она. — Я себя еле до дома дотащила, судя по всему.

— Значит...

Мы замолчали, переваривая информацию.

— Будем считать, что это был сон, — твёрдо заявила Лера. — Весёлый, зажигательный, но сон. И забудем.

Я кивнула. Соглашаясь.

Глава 7

После того как все пары закончились, мне пришлось ещё и в магазин тащиться. Мама, как всегда вовремя, прислала сообщение со списком продуктов и деньгами. Список был длиннее моего терпения, а денег ровно столько, чтобы не хватило на лишнюю шоколадку. Так что домой я брела, нагруженная тяжёлым пакетом, который резал пальцы пластиковыми ручками, и мечтала только об одном: залезть под горячий душ, а после развалиться на кровати и не вставать до самого утра. А лучше — до послезавтра.

Весенний вечер встретил меня промозглой сыростью и запахом мокрого асфальта, смешанным с бензином. Небо затянуло серостью, моросил мелкий противный дождь, который, казалось, пробирал до костей. Я подняла воротник куртки, вжала голову в плечи и прибавила шаг. Ещё немного — и я дома. Тёплый чай, мягкий плед, книжка...

Я уже почти дошла до подъезда, предвкушая этот момент, когда мой взгляд уперся в знакомую фигуру.

Сердце пропустило удар. Потом ещё один. А потом забилось где-то в горле, мешая дышать, перекрывая доступ кислорода.

Андрей.

Он стоял, прислонившись плечом к стене у самого входа, и смотрел прямо на меня. Даже в полумраке я видела эту его самоуверенную полуулыбку, от которой в школьные годы меня бросало то в жар, то в холод. Руки он скрестил на груди, ногу слегка согнул в колене — расслабленная, хозяйская поза человека, у которого всё время мира. И он знал, что я подойду. Или, скорее, знал, что мне некуда деваться.

Я, конечно, ожидала, что он появится. После вчерашнего, после шоу, после всего — глупо было надеяться, что этот гад просто испарится. Но всё равно где-то в глубине души теплилась дурацкая надежда, что судьба будет ко мне милосерднее.

Надежда, как выяснилось в который раз, была глупой. Судьба, видимо, считала иначе и решила хорошенько надо мной поиздеваться.

Я остановилась в паре метров от него, судорожно сжимая в руке пакет с продуктами. Пальцы невольно впились в пластиковые ручки до побеления. Сердце колотилось как сумасшедшее, но я заставила себя глубоко вздохнуть. Выдохнуть. Ещё раз.

Нет. Я уже давно не та забитая девчонка, которая боялась. Я взрослая. Я сильная. Я справлюсь. И позволять ему снова врываться в мою жизнь, рушить её, топтать — не собираюсь.

Я сделала шаг в сторону, намереваясь пройти мимо, будто его и не существует. Просто тень. Пустое место. Фантом из прошлого, которому здесь не место.

— Поговорим, пирожочек? — лениво протянул он, и этот голос резанул по живому.

Тот же. Низкий, насмешливый, со стальными нотками превосходства, от которых внутри всё скручивалось в тугий болезненный узел. Пирожочек. Он называл меня так в школе, когда хотел задеть. И тогда это действительно обижало, а сейчас... Сейчас меня это не трогало.

— Мне не о чем с тобой говорить, Головин, — отрезала, стараясь, чтобы голос звучал ровно и холодно. Ледяная королева, мать её. Ни одной эмоции.

Я шагнула к подъездной двери, уже достав ключ, уже представляя, как захлопну её перед его наглой физиономией...

— Есть.

В одно мгновение его рука стальным капканом сомкнулась на моём запястье, резко дёрнув назад. Пакет с продуктами жалобно хрустнул и рухнул на мокрый асфальт. Яблоки покатились в разные стороны, бутылка кефира глухо стукнулась о бордюр. Я врезалась спиной в его грудь — жёсткую, горячую, несмотря на холодный вечер, — и запах его парфюма ударил

в нос, смешиваясь с запахом сырости и бензина. Дорогой, чужой, забытый. И почему-то до мурашек волнующий.

— Есть один моментик, который нам нужно прояснить, — прошептал он, и его дыхание обожгло моё ухо.

— Отпусти, мне больно, — процедила сквозь зубы, дёргая рукой, пытаюсь вырваться.

Его пальцы сжались сильнее. Перед глазами на секунду потемнело — то ли от злости, то ли от страха, то ли от этого проклятого запаха, который лез в голову, путал мысли, заставлял вспоминать вчерашний танец на сцене.

— Больно тебе станет, если решишь открыть свой рот, — выдохнул Андрей мне прямо в ухо, и по телу, несмотря на страх, побежали предательские мурашки. — Сколько тебе заплатить, чтобы о моём увлечении никто не узнал?

Увлечение. Вот как он это называет. Я вспомнила вчерашнее шоу. Его тело под струями воды, его движения, его руки на моём теле, его дыхание на моей шее... И внутри всё вспыхнуло неправильно, жарко, ненужно, пугающе.

— Да не надо мне ничего от тебя, — выдохнула, снова дёрнувшись, пытаюсь отстраниться от этого жара, от этой близости, от этого безумия. — Просто исчезни. Это будет самый шикарный подарок для меня.

Андрей прижал меня к себе ещё сильнее. Я почти физически ощущала, как он ухмыляется за моей спиной. Каждой клеткой чувствовала его тело — твёрдое, горячее, пульсирующее.

— Оу, кто-то научился дерзить?

— Да отстань ты от меня! — Меня трясло. От ярости, от страха, от этого чёртова притяжения, которое я не могла объяснить. — Если не отпустишь, я стану кричать!

— Кричи, — насмешливо бросил он.

Внезапно он резко развернул меня и с силой прижал спиной к холодной кирпичной стене. Его ладони вцепились мне в плечи, лишая возможности пошевелиться. Он навис надо мной, заслоняя собой свет фонаря, и теперь я видела его лицо совсем близко.

Красивое. Хищное. Безжалостное.

И губы. Эти губы, которые вчера... Стоп. Вчера? Что вчера?

Мысли путались, разбегались тараканами. Я смотрела на его рот и не могла отвести взгляд. Вспоминала. Пыталась вспомнить.

— Не хочешь денег — твоё дело, — его голос выдернул меня из забытья. — Но, клянусь, если ты только попробуешь кому-то рассказать... я превращу твою жизнь в настоящий ад. Ты же знаешь возможности нашей семьи.

Он говорил это спокойно, даже лениво, но его глаза... В глазах было что-то другое. Не только холод и сталь. Там плескалось что-то тёмное, горячее, голодное. То, от чего у меня подкашивались колени и внутри всё переворачивалось.

Я знала. Слишком хорошо знала, что он не шутит. Школа была моим личным адом именно благодаря ему.

Я смотрела на него и молчала, чувствуя, как холод от кирпичей пробирается под куртку, как дождь капает на лицо, смешиваясь с каплями, которые выступили на лбу. Чувствуя его дыхание, его близость, его запах.

Секунду он буравил меня взглядом. Две. Три. А затем резко отпустил.

Андрей отстранился, поправил идеально сидящее пальто — будто ничего и не было, будто он не прижимал меня к стене минуту назад, — и, неспешно развернувшись, направился к припаркованной у тротуара спортивной машине. Дорогой, хищной, чёрной. Как он сам.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Смотрела, как он садится в автомобиль, как захлопывается дверь с мягким, почти неслышным щелчком, как заводится мотор, как фары выхватывают из темноты мокрый асфальт. Машина сорвалась с места.

Я его ненавидела. Всю школу это чувство было моим постоянным спутником, моим личным демоном, который сидел внутри и грыз душу. Я думала, что выросла. Думала, что переросла эту липкую, чёрную ненависть, оставила её в прошлом вместе со школьной формой, разбитым сердцем и ночными рыданиями в подушку.

Но стоило ему появиться снова — спустя пять лет тишины, — как это разрушительное чувство вспыхнуло с новой, всепоглощающей силой. Оно прожигало дыру в груди, смешиваясь с ледяным, парализующим страхом.

Вот только сейчас, оставшись одна, под этим противным дождём, среди разбросанных яблок я вдруг поняла одну страшную вещь.

Я ненавидела его. Да.

Но почему тогда моё тело до сих пор помнило его прикосновения? Почему внизу живота тянуло и ныло, когда он прижимал меня к себе?

Я медленно наклонилась, чтобы собрать рассыпавшиеся по грязному асфальту продукты.

«Ад, говоришь? Добро пожаловать обратно».

Только теперь я не была уверена, кто в этом аду жертва, а кто палач. И почему при одной мысли о нём у меня внутри всё горит огнём.

Глава 8

Андрей

— Ну бро, — тянет Ден, с надеждой заглядывая мне в глаза. — Выручи, а?

— Да не стану я никого заменять, — отрезаю, делая глоток виски. Лед приятно холодит губы, но совершенно не охлаждает раздражение, которое уже закипает в крови. — Найми кого-нибудь. Объявление дай. Там, знаешь, «требуется парни с хорошей физической формой».

— Ну ты же занимался танцами лет десять! — не унимается друг. — Там вообще ничего сложного. Две недели тренировок — и ты звезда. Девочки будут визжать, цветы кидать, трусы там всякие...

— И все десять лет я ненавидел эти конвульсивные подрагивания, — я ставлю бокал на стол и скрешиваю руки на груди. — Мать считала, что бальные танцы пойдут мне на пользу. Только я их все равно ненавижу.

— Даже ради единственного друга не станешь?

— Нет.

Ден вздыхает, откидывается на спинку кресла и смотрит в потолок. Я уже думаю, что тема закрыта, как вдруг он говорит:

— Ладно. Видят небеса, я не хотел этим пользоваться. Но ты мне должен.

Я замираю. Медленно поворачиваю голову и смотрю на него в упор. Внутри все холодеет.

— Ты сейчас серьезно?

— Вполне.

Сука.

Когда-то, шесть лет назад, Ден вытащил меня из очень хреновой истории. Если откинуть подробности без него я бы сейчас не сидел в этом баре. Я обещал. Сказал тогда: «Я твой должник. В любой момент — просто напомни».

Шесть лет он молчал. Ни разу не заикнулся, даже когда у него самого были проблемы. А теперь, когда у этого недо-организатора слетел танцор, он решил активировать должок.

Что ж. Своё слово я держу всегда.

Две недели кошмара.

Две недели я вспоминал эти повороты, эту дурацкую синхронность, хорошо хоть тело помнило. Оно, оказывается, помнило все. Каждое движение, каждый изгиб, каждый чертов взмах рукой.

И вот я стою на сцене.

Свет слепит глаза, но я быстро привык. Вода льется сверху, заливая глаза, стекает по груди, по спине, по животу, ниже.

Я двигаюсь в такт музыке, и где-то в зале визжат женщины. Крики, аплодисменты, кто-то свистит. Я не понимаю, как это может нравиться. Стоять полуголым под струями воды, изображая из себя не пойми что. Но Ден сказал, что зрителям заходит. И судя по звуку — он очень даже прав.

Краем глаза я вижу мелькающие в темноте лица, горящие глаза, открытые рты. Им нравится. Им чертовски нравится. А мне плевать.

До определенного момента.

Ближе к концу мы спускаемся в зал.

Интерактив. Нужно пройти по рядам, остановиться возле кого-то, протянуть руку, пригласить на сцену. Я иду по центральному ряду, мельком скользя взглядом по лицам, уже предвкушая, как это дерьмо закончится и я наконец свалю отсюда.

И вдруг — стоп.

Сердце пропускает удар. Потом еще один. Потом разгоняется в бешеном ритме.

Я сначала не поверил глазам.

Она.

Настя.

Сидит на третьем ряду, с краю. Серьезная, собранная, с этим своим фирменным выражением лица, которое я помню так хорошо. Совсем не похожая на тех визжащих дамочек, которые тянут руки к танцорам, ловят каждое движение, готовы лезть на сцену без приглашения.

Она другая. Всегда была другой.

Та же, что и в школе. Только старше. Красивее. Грудь, бедра, эти пухлые губы, которые я помню так хорошо, хотя ни разу не целовал. Ни разу, блять. Хотя представлял себе это тысячу раз. Миллион.

Черт меня дернул подойти к ней.

Ноги сами сделали шаг. Потом еще один. Я уже стоял перед ней, протягивая руку, и в голове билась только одна мысль: узнает или нет?

Она смотрела на меня секунду, две. В ее глазах мелькнуло что-то а потом она вложила свою ладонь в мою.

Ее пальцы дрожали. Или мне показалось? Я сжал их крепче, помогая встать, и в этот момент мир перестал существовать.

Дальше было как в тумане. Танец, ее тело в моих руках, ее дыхание, запах ее волос, который ударил в голову сильнее любого виски. Я двигался на автомате, чувствуя, как она напряжена, как пытается не дышать, как замирает, когда мои руки касаются ее талии, ее живота, ее плеч.

А потом — шепот у уха, горячий, испуганный, узнавший:

— Головин?

Она сбежала.

Быстро, почти панически, не оглядываясь. Я смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри разгорается что-то, чему я не давал воли пять лет. Что-то темное, голодное, дикое. Казалось я давно остыл, но стоило только снова увидеть её, как всё вспыхнуло с новой силой. Я её хочу и она обязательно станет моей. Ведь она тоже меня помнит. Она не забыла. И смотрела на меня не так, как раньше. Не с ненавистью. С чем-то другим.

После выступления Ден затащил меня в бар.

— Надо отметить спасение моего мероприятия! — провозгласил он, хлопая меня по плечу.

Я согласился. Мне нужно было выпить. Нужно было переключиться. Нужно было выкинуть ее из головы, хотя бы на пару часов. После шоу мысли о ней не отпускали ни на секунду. Ее запах, ее губы, ее испуганные глаза.

Я надеялся, что алкоголь поможет.

Не помог. Потому что я до него так и не добрался. Потому что там, в этом прокуренном баре, снова была она.

Грёбаное наваждение.

Я увидел ее сразу, как только вошел. Среди десятков других женщин, в этом душном, гремящем музыкой месте, я нашел ее взглядом за долю секунды. И замер.

Она танцевала на заполненном людьми танцполе. Медленно, чувственно, с закрытыми глазами. Проводила руками по своему телу, по этим аппетитным бедрам, по талии, по груди. Волосы разметались по плечам, губы приоткрыты, на лице — блаженная полуулыбка.

Она даже не осознавала, как действует на мужчин.

Я смотрел и не мог отвести взгляд. Видел, как несколько парней рядом с ней пялятся, облизываются, подбираются ближе. И внутри меня закипала злость.

Мое.

Нет, не мое. Но в этот момент — мое.

Ден, проследив за моим взглядом, присвистнул:

— Ого, а эта девочка горячая. Смотри, как зажигает. Пойду, познакомлюсь?

— Даже не думай, — зло бросил я.

— Ээээ, — протянул он, понимающе ухмыляясь, переводя взгляд с меня на Настю и обратно. — Друг, я вообще-то про ту рыжую, — кивнул он на девушку, танцующую рядом с моей. Ту самую, с которой она была на шоу.

— Ясно.

— Я, пожалуй, пойду развеюсь, а ты делай что хочешь.

И он нырнул в толпу, растворившись в мелькании тел. Я даже не проследил за ним — я не мог оторваться от нее.

Сам не понял, как оказался рядом. Просто в одно мгновение я уже стоял вплотную, загораживая ее от чужих взглядов, от чужих рук, от всего мира.

Ее подруга — та самая рыжая — уже вовсе не была одна. Ден что-то говорил ей, улыбался, и она отвечала. Кажется, они нашли общий язык. Быстро.

А Настя стояла передо мной, пьяная, разгоряченная танцами, и смотрела словно видит впервые. Музыка долбила так, что голоса тонули в басах. Но я видел ее губы. Видел, как она произносит слова.

— Какой твердый, — прочитал по её губам.

Ее ладони легли мне на грудь. Стали гладить, ощупывать, спускаться ниже по прессу, к животу, к ремню джинсов. По телу ударило током. Тело отозвалось мгновенно, предательски сильно.

Я перехватил ее руки.

— Пошли.

Я попытался вывести её из бара, потому что она упиралась, смеялась, тянулась обратно к танцполу. Она была ужасно пьяна. Качалась, цеплялась за меня, что-то бормотала про коньяк и про то, что «Лерку забыли».

К нам подошёл Ден, таща под руку хохочущую рыжую. Та тянулась к Насте, и они, смеясь, пытались утянуть друг друга обратно на танцпол.

— Сними нас! — крикнула рыжая, протягивая Насте телефон. — На память!

Настя взяла телефон, послушно навела камеру и начала снимать, комментируя происходящее с пьяным энтузиазмом:

— Опа, смотрите-ка! Наша Парамонова даёт жару! Ставки, девочки, ставки! — кричала она в телефон, поворачиваясь то к подруге, то к веселящейся толпе. — Съест она его или не съест? Я ставлю на «съест»!

Рыжая, ничуть не смущаясь, накинулась на Дена, втягивая его в поцелуй. Ден, судя по всему, был совсем не против.

Я усмехнулся. По крайней мере, у них все складывалось.

Всё же с горем пополам мы вышли из бара и погрузились в мою машину. Настя плюхнулась на переднее сиденье, её подруга с Деном — на заднее.

— Куда отвезти твою подругу? — спросил поворачиваясь к Насте.

Она смотрела на меня странно. Пристально. Так, что внутри все переворачивалось.

— Лерка, — позвала она, запинаясь, поворачиваясь назад. — Вот этот конкретный тип, — она ткнула пальцем в меня, — очень ненадёжный. Может, своим ходом?

На что эта её Лера только отмахнулась продолжая жаркие поцелуи с Деном.

— Хватит пожирать этого парня! — засмеялась Настя, глядя как они целуются. — Парамонова!

Лера оторвалась от Дена только чтобы выдохнуть:

— Вези на Маяковского, 36.

Я вбил адрес в навигатор и завел машину, выезжая со стоянки.

— Сниму тебе, чтоб завтра стыдно было, — хихикнула Настя, включая камеру и снимая парочку на заднем сиденье.

Ден что-то шептал Лере, она смеялась, отвечала. Когда мы приехали, Ден помог Настеной подруге выбраться из машины.

— Мы, пожалуй, сами, — сказал он, подмигивая мне. — Я ее провожу. Завтра созвонимся.

— Ты уверен? — спросил, косясь на рыжую, которая уже повисла на нем.

— Абсолютно! — Ден подхватил ее на руки, потому что ноги у нее, кажется, отказывались держать. — Давай, удачи!

— Эээ, стоять! — крикнула Настя, высываясь в окно. — Ишь чего удумал, извращенец!

— Он хороший парень, — сказал я ей спокойно. — Не опустится до низости.

— Вот твои слова — это последнее, чему я стану верить, — фыркнула она.

— Ложечкина, вали уже, — крикнула Лера крепче прижимаясь к моему другу. — Не мешай мне налаживать личную жизнь! И мобилу мою верни!

Настя послушно протянула телефон в окно, Лера схватила его, и Ден понес ее к подъезду.

Я завел двигатель и вырулил со двора.

Глава 9

В машине стало тихо. Только мы вдвоем.

— Эй! — вдруг встрепенулась она, поворачивая ко мне голову. Пьяные глаза пытались сфокусироваться, но получалось плохо. — Головин?

— Что? — спросил, останавливаясь на светофоре и оборачиваясь к ней, чувствуя, как от одного этого слова — моя фамилия, произнесенная ее голосом — по позвоночнику пробегает жаркая волна.

Я заметил, что ее ремень болтается. Когда она успела отстегнуться? Она дергала его, пыталась застегнуть обратно, но он не желал вытягиваться.

— Сама пристегнешься? — Вопрос был скорее риторическим.

Я потянулся, схватил ремень, потянул через нее. Главное — не думать о том, что рука касается ее груди. Которая часто вздымается. Которая мягкая. Которая сейчас, блять, в миллиметре от моих пальцев.

Я застегнул ремень и резко выпрямился, вжимаясь спиной в сиденье.

— Ой, — пискнула она, когда машина сорвалась с места. — Слуууушай, — протянула Настя, поворачиваясь ко мне всем корпусом. — А ты вооообще не изменился.

— Как и ты, сладенькая, — ответил, не глядя.

— Сладенькая? — Она поднесла правую руку к лицу и медленно провела кончиком языка по указательному пальцу. — Дааа, коньяк пролила.

Твою мать.

Этот образ врезался в память, прожег подкорку, застыл перед глазами. Ее розовый язычок, скользящий по пальцу, прикрытые в удовольствии глаза, довольная, пьяная, чертовски сексуальная улыбка.

Я стиснул зубы, сжимая руль так, что костяшки побелели.

Не смотри на нее. Смотри на дорогу. Не реагируй. Она просто сильно пьяна. Я смотрел на дорогу. Сжимал руль. Считал про себя до ста. И молился, чтобы мы доехали быстрее.

Машина остановилась в ее дворе.

— Головиинин, — позвала она, расстегивая ремень. И вместо того чтобы выйти, полезла на заднее сиденье.

Я не знал, смеяться мне или наслаждаться шоу. Она возилась там, пыталась устроиться поудобнее, пихала ногами сиденья, чертыхалась, и выглядело это до ужаса мило и забавно.

— А ты в роли стриптез... стрип... стриптизера, — она запнулась, но выговорила, победно улыбаясь, — очень даже.

Я повернулся к ней. Она развалилась на заднем сиденье, смотря на меня с вызовом и этим нахальным огоньком в глазах, который манил.

— Понравился?

— Тело у тебя секси, — она провела руками по воздуху, будто обводя мои контуры. — Эх, — грустно протянула, — жаль, что такое достаётся таким козлам.

Я вздернул бровь. Даже не знал, как реагировать на ее правду. Рассмеяться? Согласиться? Сказать, что она сама не знает, о чем говорит?

— Пошли, провожу до квартиры, — сказал, выходя из машины и открывая заднюю дверь.

— Нееет, — она вцепилась в мою руку и потянула внутрь с неожиданной силой. Я сдался. Сел рядом, захлопнул дверь. В машине стало тесно. Душно. Невыносимо.

— Скажи, — она посмотрела на меня с такой серьезностью, на которую только способны пьяные люди, — я сильно уродлива?

Женский мозг — загадка, которую я не разгадал до сих пор. Но пьяная женщина — это вселенная, мать ее, в сто крат более сложная. Как она пришла к этому вопросу?

— Нет, — ответил честно. Голос сел, стал хриплым. — Ты красивая. Очень красивая.

— Дааа? — Она прищурилась, не веря. — Врешь.

— Будь ты не так пьяна, — я наклонился к ней, говоря тихо, почти шёпотом, чувствуя, как сносит крышу от ее запаха, от близости, от того, что она здесь, рядом, — я бы тебя...

— Что бы ты сделал?

— Поцеловал.

Я смотрел на ее губы. Она провела языком по нижней. Медленно. Дразняще. Специально? Или просто так? Неважно. Мне нестерпимо захотелось...

— Ты? Меня? — Она фыркнула, но в глазах мелькнуло что-то другое. Живое. Настоящее. — Не смей.

Я молчал. Просто смотрел. Давая ей время. Давая себе секунду, чтобы не сорваться.

Тишина в машине стала плотной, вязкой. Слышно было только наше дыхание. И стук моего сердца, который, кажется, был слышен за километр.

— Докажи, — вдруг сказала она другим, севшим голосом.

И подалась ко мне.

Ее губы врезались в мои. Жадно, пьяно, отчаянно. Она целовала так, будто хотела выпить меня до дна, будто мстила за что-то, будто ей это было необходимо.

Я замер на секунду. А потом снесло все барьеры.

Я перехватил инициативу. Зарылся руками в ее волосы, притянул ближе, углубляя поцелуй. Она выдохнула мне в рот, и этот звук — самый сладкий, самый порочный, самый правильный — отозвался где-то внизу живота.

Я схватил ее за бедро, помогая перебраться ко мне на колени. Она послушно перекинула ногу, устраиваясь сверху, и я задохнулся.

Бля.

Я столько лет этого хотел. И совсем не ожидал, что это случится. Да еще так.

Она села, обхватила ногами, прижалась всем телом. Я чувствовал каждую линию, каждый изгиб, каждую мягкость. Поцелуй становился глубже, жарче, безумнее. Я сжимал ее бедра, сходил с ума от того, как она двигалась, как раскачивалась на мне, как постанывала в губы.

Я чувствовал каждое движение, каждое касание, и это сводило с ума. Она словно проверяла, насколько сильно я её хочу. Сильно. Невыносимо. И она это чувствовала, не собираясь отстраняться. Наоборот двигалась на моих коленях сильнее, и я терял остатки контроля. Ещё мгновение, и я забуду кто я, где я, и почему должен остановиться.

— Какой твердый, — выдохнула она, прерывая поцелуй, и провела рукой по моей груди вниз, к животу, к ремню.

Она чувствовала. Все чувствовала. И раскачивалась сильнее, задевая каменный стояк, от чего у меня темнело в глазах, а в голове взрывались фейерверки.

— Блять, — выдохнул я хрипло, когда ее губы коснулись моей шеи. Язык прошёлся по коже, оставляя влажный след, она прикусила кожу, и меня прострелило током от макушки до пят.

Еще секунда — и я сорвусь. Я войду в нее прямо здесь, в этой машине, не думая о последствиях, не думая ни о чем.

Стоп. Она не знает, что делает.

"А ты, блять, знаешь?" — ехидно спросил внутренний голос.

Я с силой усадил ее обратно на сиденье и буквально вылетел из машины, как ошпаренный.

Холодный воздух ударил в лицо, в грудь, в разгоряченную кожу. Но не помог. Ни черта не помог. Кровь кипела, в висках пульсировало, желание жгло изнутри, и мне хотелось разбить кулак о стену, пробить ее насквозь, только бы заглушить эту дикую, животную потребность.

Не так. Не в таком состоянии. Она пьяна. Она не понимает, что делает. А я — я просто не имею права. Не имею, блять, права прикасаться к ней, когда она не в себе.

— Если так неприятно, мог бы и не начинать, — обиженно донеслось сзади.

Я обернулся. Она стояла, прислонившись к машине, и смотрела с обидой. Будто я сделал ей больно. Я ничего не ответил. Просто подошел, подхватил на руки и понес к подъезду.

Она молчала. Не смотрела на меня. Уткнулась носом в мою грудь и молчала. Только дышала прерывисто, и я чувствовал, как дрожит ее тело.

В квартире я помог ей разуться, довел до ванной, заставил умыться холодной водой. Она плескала в лицо, чертыхалась, а я стоял за спиной и придерживал её за талию.

— Все, можешь идти, — махнула она, когда мы зашли в комнату.

Я не ушел. Подождал, пока она натянет смешную старую пижаму с плюшевыми медведями. Мягкую, уютную, совсем не сексуальную.

Я стоял спиной и слушал, как шуршит ткань. Как она возится, чертыхается, как падают на пол джинсы. Как скрипит кровать, когда она опирается на нее, чтобы стянуть носки.

Улыбнулся, хотя внутри все горело огнем.

— Готово, — сказала она тихо.

Я обернулся. Она стояла посреди комнаты в этой дурацкой пижаме, лохматая, без макияжа, с красными глазами. И была такой красивой, такой настоящей, такой моей, что у меня перехватило дыхание, а в груди что-то болезненно сжалось.

— Ложись, — кивнул на кровать.

Она послушно забралась под одеяло, завопилась, устраиваясь поудобнее. Спустя секунду она уже спала. Я стоял и смотрел, как вздымается грудь под этой дурацкой пижамой. Как дрожат губы.

Потом наклонился и поцеловал ее в лоб. Медленно, нежно, вкладывая в этот поцелуй все, что не мог сказать словами.

Я выпрямился, смотрел на нее еще секунду, запоминая каждую черточку, каждую тень на ее лице. И вышел, тихо прикрыв дверь.

В подъезде я прислонился лбом к холодной стене и стоял так минуту, две, пытаюсь унять пожар, развернувшийся в груди, и бешеный стук сердца.

Дома я встал под холодный душ. Стоял, пока кожа не посинела, пока зубы не начали выбивать дробь. Закрыв глаза, включил память на полную — вспоминал ее губы, ее язык, ее вкус, ее мягкое, податливое тело на моих коленях, ее стоны, ее дыхание, ее запах.

Пришлось снимать напряжение в одиночестве, кусая губы, чтобы не застонать. Стыдно? Возможно. Но воспоминания о ней были сильнее стыда.

Я кончил быстро, сдавленно хрипя, упираясь лбом в холодный кафель. И впервые в жизни не чувствовал облегчения — только пустоту и дикое, неутолимое желание вернуться к ней. А когда открыл глаза и увидел свое отражение в запотевшем зеркале, понял одну простую, страшную вещь.

Я пропал.

Окончательно. Бесповоротно. Навсегда.

И если раньше я хотя бы мог притворяться, что ненавижу ее, что мне плевать, что это просто школьная влюбленность, которая прошла, — то теперь врать себе не получалось.

На следующий день я караулил ее у подъезда.

Стоял, прислонившись к стене, и надеялся. На что? Не знаю. Может, на то, что она посмотрит на меня иначе. Может, на то, что вчерашнее что-то значило.

Я хотел поговорить. Хотел объяснить. Хотел... Блять, я сам не знал, чего хотел.

Но она прошла мимо.

Просто прошла, даже не взглянув. Сделала вид, что меня не существует. Пустое место. Тень.

Я сначала не понял. Думал, может, не заметила? Но нет — она смотрела прямо перед собой и шла так, будто меня здесь нет.

А потом до меня дошло.

Она ничего не помнит.

Она так напилась, что начисто вырубил из памяти вчерашний вечер. Все эти поцелуи, прикосновения, ее руки на моем теле, ее губы — для нее этого не существовало.

И это задело. Сильнее, чем я мог предположить.

Я догнал ее в два шага, схватил за руку, развернул. Прижал к стене, загородил собой, она дёрнулась, но я держал крепко. Запрокинув голову, Настя смотрела на меня, а в глазах — ни тени воспоминаний. Только раздражение и злость. Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри все разрывается. Она не помнит. Не помнит, как сама тянулась ко мне. Как целовала. Как хотела.

— Не хочешь денег — твоё дело, — сказал вместо того, что хотел. — Но клянусь, если ты только попробуешь рассказать... Я превращу твою жизнь в ад. Ты же знаешь возможности нашей семьи.

Угрожал. Пугал. Играл роль того самого гада, к которому она привыкла. Потому что если бы я начал говорить по-другому... Если бы я сказал ей правду... Она бы не поверила. Или поверила бы, и тогда рухнуло бы все. Вряд ли она стала бы прыгать от радости, узнав, что сама ко мне тянулась.

Проще быть мудаком. Мудаком быть безопасно.

Но внутри все разрывалось от того, как она смотрела на меня. С ненавистью. Со страхом.

Глава 10

— Дочь, ты чего такая заполошная? — спросила мама, едва я переступила порог квартиры.

Она стояла в прихожей с полотенцем в руках — видимо, только что с кухни — и смотрела на меня с тем особенным материнским прищуром, который видит всё. Абсолютно всё. Даже то, что я пытаюсь спрятать глубоко внутри.

— Да вот, столкнулась с одним козлом, — буркнула, ставя грязный пакет в коридоре. — Продукты выпали.

Я наклонилась разуваться, чувствуя, как мамин взгляд сверлит мою спину.

— Ну ты даёшь, — вздохнула она, подхватывая пакет и унося его на кухню.

Я закатила глаза и поплелась на кухню. Запах жареной картошки ударил в нос, и желудок жалобно заурчал. На плите что-то шкворчало, в воздухе витал аромат маминых котлет — тех самых, от которых невозможно отказаться, даже если ты на диете, даже если поклялась не есть после шести, даже если завтра важный день.

— Что поесть есть? — спросила, вымыв руки и заглядывая в кастрюли.

— На ночь вредно, — привычно отозвалась мама, даже не оборачиваясь. — И вообще, дочь, тебе бы на диету сесть.

Я замерла с крышкой в руке. Ну вот, началось.

— Мам, — протянула я с мольбой в голосе.

— Что мам? — она резко развернулась, уперев руки в бока. — Вот что мам? Парни любят стройных девочек. Я ж о тебе беспокоюсь, о твоём будущем!

— После твоих беспокойств во мне только комплексы взращиваются, а никак не благотворность, — буркнула, закрывая кастрюлю. Аппетит немного поутих.

— Да ты пойми, — мама подошла ближе, и голос её стал мягче, но от этого не менее настойчивым. — Мне не еды жалко. Мне тебя жалко. Я ж не хочу, чтобы ты одна осталась. Вон Лиза наша...

— А что Лиза? — перебила я, чувствуя, как раздражение закипает где-то в груди. — Она, между прочим, замуж только в двадцать семь вышла. И ничего, нормально живут.

— Так у неё ухажёры были! — парировала мама. — А у тебя только булки да книги. Ты хоть куда-то ходишь? Хоть с кем-то встречаешься?

— Светка, чё ты к дочери пристала? — в кухню вошёл отец, спасение моё, рыцарь в халате и с sudoku под мышкой. — Девка она красивая, умная, самостоятельная. А от этих твоих диет один вред — нервы да голодные обмороки.

— Вот не лезь, Коль! — мама махнула на него полотенцем, как флагом на поле боя. — Я ж о нашей девочке беспокоюсь!

— Беспокоиться надо о том, сыта ли она да счастлива ли, — отец подошёл ко мне и подмигнул. — А не о том, сколько в ней килограммов.

Я с трудом сдержала улыбку. Папа всегда был моим адвокатом в этих семейных дебатах. Мама — прокурором, требующим идеальной фигуры и активной личной жизни. А я — судимой, которая просто хочет есть жареную картошку и читать книги в тишине.

Пока они спорили о том, что для меня лучше — диета или душевное спокойствие, — я тихонько открыла холодильник и выудила оттуда тарелку с курицей. Вчерашней, моей собственной жарки. Вкусно пахло специями, чесноком, домашним уютом.

Вчера я её приготовила, но так и не добралась — Лерка притащилась, а потом мы ушли на шоу, потом в бар, а потом... Потом провал. Но курица осталась. И сейчас она была мне нужна позарез.

Я молча выскользнула из кухни, пока родители выясняли отношения, и ушла в свою комнату, прижимая тарелку к груди как добычу.

Вкусно, между прочим. Я готовлю отлично. Лерка такое не ест — жирное, видите ли. Пришлось вчера из солидарности тоже не есть, чтобы она не чувствовала себя одной в своих диетических страданиях. А сегодня я наверстывала.

Я устроилась на кровати, подложив подушку под спину, и с наслаждением откусила кусочек. Мясо таяло во рту. Красота.

В голове прокручивались события вечера: Андрей у подъезда, его руки, его глаза, его запах. Я мотнула головой, отгоняя наваждение. Не думать. Не вспоминать. Есть курицу.

Я достала телефон и открыла сайт с объявлениями о съёме жилья. Вот оно, лучшее лекарство от тоски и ненужных мыслей — мечты о собственной квартире.

Комната в двушке с соседкой. Студия на окраине. Одношка, но слишком дорого. Я листала, вздыхала, добавляла в избранное, снова пролистывала.

Мамины слова засели в голове противной занозой. «У тебя только булки да книги». Ну и что? Книжки — это прекрасно. А булки... Булки я люблю. Но, может, она права? Может, пора что-то менять?

Я посмотрела на себя в зеркало напротив. Пышные волосы, пухлые губы, большая грудь, широкие бёдра. Я себе нравилась. Правда. Но мамин голос внутри всё равно шептал: «Парни любят стройных».

Я перевела взгляд на экран телефона. Свобода. Тишина. Никто не спросит «а где ты была?» и «а когда вернёшься?». Никто не будет вздыхать над моей тарелкой с едой. Никто не станет учить жить.

Эх. Может, всё-таки рассмотреть вариант с подселением? Нет, конечно, я хотела жить одна. Без соседок, без чужих привычек, без очередей в ванную. Но деньги... Деньги решают.

Я ещё раз пролистала варианты и на всякий случай добавила пару вариантов с подселением в избранное. Вдруг решусь?

Вот так всегда. Моей решимости хватает только на несколько часов, а потом приходит лень, страх, неуверенность, и я снова откладываю всё на потом. Но может, сейчас самое время? Может, стоит взять себя в руки и наконец съехать?

Я представила свою будущую квартиру. Маленькую, но свою. Светлую. С большим окном и узким подоконником, на который можно ставить кружку с чаем. С кроватью, на которой никто не запретит валяться до обеда. С холодильником, полным вкусной еды, и никаких диет.

А то и правда. Личной жизни никакой. Конечно, пока вариантов нет — тот самый прекрасный принц ещё не появился. Но если он появится, а у меня комендантский час до десяти, как у школьницы? Это даже не смешно.

Курица закончилась. Я облизала пальцы и отложила тарелку. Прокрававшись на кухню помыла тарелку и так же тихо отправилась в душ, уж больно не хотелось сталкиваться с мамой, её навязчивая опека умиляет только первые пять минут, дальше только вызывает раздражение и желание сбежать.

Надо спать. Завтра новый день. А с ним — новые мысли, новые сомнения и, возможно, новые встречи.

Я натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Но перед внутренним взором снова возник он. Его улыбка. Его глаза. Его шёпот у моего уха. В голове вспыхнули странные образы, его сбившееся дыхание, руки, прижимая меня ближе... Чёрт. Я распахнула глаза, отгоняя непрошенные фантазии, как вообще можно желать его, но отчего-то тело бросило в дрожь.

— Чёрт бы тебя побрал, Головин, — прошептала я в темноту.

И провалилась в сон.

Глава 11

Следующий день был скучным и спокойным. Настолько, что я уже начала убеждать себя: появление моего кошмара мне просто померещилось.

Ну подумаешь, привиделся бывший школьный враг на сцене в мокрых штанах, облепивших все его прелести. Подумаешь, потом возник у подъезда с угрозами, прижал к стене, дышал в ухо, смотрел своими глазами... С кем не бывает? Стресс, недосып, весеннее обострение. Крыша едет потихоньку.

Я почти поверила в эту версию. Почти успокоилась. Почти перестала вздрагивать по ночам, когда снились чьи-то горячие губы, жадно целующие мои.

Но судьба, видимо, решила отвесить мне знатный подзатыльник за такие наивные мысли.

— Девочки! — Алина, наша староста, выскочила из университета следом за нами, размахивая руками, как ветряная мельница в ураган. — У вас случайно нет знакомых, которым можно вручить пару милых крыс?

— Анисимова, — Лера сморщила нос, будто ей поднесли ту самую крысу прямо к лицу, — тебе б мужика завести, а не крыс. Что дальше? Дрессированные тараканы? Полк мышей-диверсантов? Армия хомяков для захвата мира?

— Крысы милые! — обиженно надулась Алина. — И, между прочим, они не плохо так стоят. У меня ж не из канализации, а из зоомагазина, элитные! Я их на разведение брала, но планы поменялись. Хочу пристроить в добрые руки, чтоб их любили, холили и лелеяли.

— Поищи психов в другом месте, — вздохнув, посоветовала подруга.

— С тобой всё ясно, — махнула она на Лерку. — Ты кроме себя не способна кого-то полюбить.

— Эй! — возмутилась Лера, но Алина уже переключилась на меня.

— А ты, Насть? — она перевела на меня умоляющий взгляд, в котором плескалась такая надежда, что мне стало почти стыдно. — Возьмёшь?

— Я? — я поперхнулась воздухом и закашлялась. — Анисимова, я вообще грызунов боюсь. Даже хомяки у меня вызывают подозрение и желание держаться подальше. А если я притащу такую милость домой, мама меня выгонит вместе с ней жить на помойку. И будет права.

— Ясно всё с вами, — Алина обиженно поджала губы, и в ее глазах мелькнула знакомая искорка — сейчас найдет другую жертву. — Вот придёте ещё за лекциями...

Она уже развернулась, чтобы уйти, как вдруг увидела кого-то в толпе студентов и мгновенно переключилась:

— Костик! Карасёв, стой! Только для тебя шикарное предложение! Две очаровательные милашки ищут заботливые руки! Пушистые, ласковые, с ушками и хвостиками!

Дальше мы не слышали, но Костик, судя по выражению его лица, явно не разделял энтузиазма. Он побелел, потом позеленел и резво прибавил шаг, прекрасно понимая, что ничего хорошего ждать не стоит, но Алина уже настигала его, размахивая сумкой.

— Сочувствую, — проследив за удаляющимися спинами старосты и одноклассника, сказала Лера.

— Кому именно? — усмехнулась, прекрасно понимая, что эти несчастные крыски точно не останутся без дома. Анисимова — та ещё прилипала, она кого угодно уговорит. Даже если придется подкладывать их в сумки ничего не подозревающим жертвам.

Лера открыла рот, чтобы ответить, но я уже не слышала.

Прямо рядом с нами припарковалась знакомая спортивная машина. Чёрная, хищная, блестящая, с низкой посадкой и тонированными стеклами. Та самая, что стояла у моего подъезда в тот вечер. Та самая, из которой вышел ОН.

Из неё вышли двое.

Головин. И какой-то парень, которого я видела впервые.

Я замерла. Сердце пропустило удар, потом ещё один. Потом разогналось в бешеном ритме, отдаваясь в ушах глухим стуком. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок.

Не смотреть. Я не стану смотреть в его сторону. Не стану, не стану, не...

Взгляд предательски скользнул по его фигуре, прикипел, приклеился, отказываясь подчиняться.

Высокий, плечистый, в чёрной куртке, расстёгнутой настолько, что видна футболка, обтягивающая грудь. Джинсы сидят идеально, подчёркивая длинные ноги. И эта вечная нахальная ухмылка на красивом лице, от которой у меня внутри всё переворачивается.

Он смотрел прямо на меня. В упор. Не отрываясь. И даже на расстоянии я чувствовала этот взгляд — тяжёлый, прожигающий, проникающий под кожу. Так смотрят хищники на добычу. Так смотрят, когда хотят. По-настоящему хотят. Убить, наверное.

Усилием воли, граничащим с подвигом, я заставила себя перевести глаза на его спутника.

Парень был симпатичный. Темноволосый, чуть выше среднего роста, с открытой улыбкой и весёлыми глазами, которые сейчас сияли предвкушением. И он смотрел... на Леру. В упор. Не отрываясь. С такой жадностью, будто она была самым вкусным пирожным в кондитерской.

— Привет, рыжуля, — оскалился он, подходя к нам почти вплотную. Слишком близко для незнакомцев.

— Мы знакомы? — Лера вздёрнула бровь с таким ледяным высокомерием, что я даже малость позавидовала.

— О как, — протянул парень, и в его голосе прорезались смешливые нотки. Ни капли обиды, только веселье и азарт. — А два дня назад клялась, что никогда меня не забудешь. Между поцелуями, естественно. Говорила, что я — мужчина мечты.

Лера замерла. Её лицо на секунду вытянулось, но она быстро взяла себя в руки. Маска равнодушия снова застыла на лице.

Я с интересом наблюдала за этой сценой, напрочь забыв про Головина. Чёрт, вот только попкорна не хватает. И кресла поудобнее. И чтобы никто не мешал.

— Не понимаю, о чём вы, молодой человек, — с самым непроницаемым лицом выдавала Лера, скрещивая руки на груди и отступая от него на шаг — ближе ко мне. — Мы вообще не знакомы. Вы меня с кем-то путаете.

— Жаль, — парень театрально вздохнул, но глаза его блестели. — А то я уж хотел вернуть своей страстной рыжуле потерянную вещичку.

Он полез в карман куртки. Медленно, смакуя момент, достал... паспорт.

Красная корочка. Замусоленная, с облезлыми уголками. Обычный российский паспорт.

— Это не мой, — отрезала Лера с полной уверенностью, даже не взглянув на документ. — Я свои документы не теряю. Никогда. Я ответственная девушка.

Парень открыл паспорт. Развернул его к нам. На первой странице красовалась Леркина фотография. И данные. Все до последней буквы. Фамилия, имя, отчество, прописка.

Мы переглянулись. Диалог состоялся без слов, одной только мимикой.

Как?

Не знаю!

Как можно было профукать паспорт и до сих пор этого не понять?

Я в шоке!

— Отдай! — Лера попыталась схватить свой документ, но парень ловко отвёл руку назад, поднимая над головой.

— А поцелуй герою? — ухмыльнулся он.

Лера резко выпрямилась. Медленно, с чувством, картинно откинула волосы назад. Сделала шаг к нему. Ещё один. Подошла вплотную, так, что между ними не осталось расстояния. Поднялась на цыпочки, потянулась к его лицу...

И поцеловала.

Со всей, так сказать, страстью, на которую была способна.

Только маленькое уточнение: коленом в пах. Со всей дури.

Парень согнулся пополам, выпучив глаза и хватая ртом воздух, а Лера невозмутимо выхватила свой паспорт из его ослабевших пальцев. Отступила на шаг, любясь результатом.

— В следующий раз подумаешь, прежде чем пытаться заставить беззащитную девушку что-то делать, — сказала она, возвышаясь над поверженным противником, как статуя Свободы, только с паспортом вместо факела и с выражением крайнего удовлетворения на лице.

Я открыла рот, чтобы выразить восхищение, но тут...

— Пирожочек, а ты ничего не хочешь мне сказать? — раздался у самого уха голос, от которого по спине побежали мурашки, а волосы на затылке встали дыбом.

Я вздрогнула всем телом и резко обернулась.

Головин стоял за моей спиной. Близко. Слишком близко. Между нами не было и полуметра. Он нависал надо мной, загораживая свет, заполняя собой всё пространство.

И смотрел на меня как-то... странно. Не так, как обычно. Не с насмешкой и превосходством, не с холодным интересом.

Рядом с ним даже дышать было трудно. Воздух будто заканчивался, оставался только его запах. Тот, от которого у меня подгибались колени и плавились мозги.

— Тебе тоже коленом в пах? — спросила я, инстинктивно отступая на шаг. Голос предательски дрогнул.

— Ага, — он усмехнулся, но как-то... тепло? Неожиданно. — Только не коленом, а рукой. И не ударить, а нежно погладить.

Он смотрел на меня в упор. В его глазах плескалось что-то, от чего внутри всё переворачивалось. Что-то тёмное, горячее, голодное. То, от чего я теряла способность соображать.

Этот козёл. Этот невозможный, невыносимый, красивый до одури козёл улыбался мне так, будто у нас были какие-то общие секреты. Будто мы были близки. Будто он знал обо мне то, чего не знала я сама.

И от этого становилось страшно. И в то же время... волнительно.

— Всё, Лер, пошли, — я схватила подругу за руку и рванула в сторону, подальше от этих двоих.

— Насть, — Андрей схватил меня за руку. Пальцы обожгли запястье, оставив на коже огненный след. — Мне надо с тобой поговорить.

— А мне нет, — я дёрнулась, и он отпустил. Легко. Слишком легко. Будто не хотел удерживать силой. Будто ждал, что я сама захочу остаться.

— Ах ты маленькая стерва! — донеслось сзади.

Мы обернулись. Тот парень — Леркой «поцелованный» — оклемался. Он уже выпрямился и смотрел на Леру с такой смесью восхищения и ярости, что я на секунду залюбовалась. В его взгляде читалось: «Убью. И женюсь. В таком порядке».

— Дёру! — провозгласила Лера, и мы рванули к её машине, припаркованной неподалёку.

Каблуки подруги стучали по асфальту, сумки подпрыгивали на плечах, волосы развевались на ветру. Мы бежали, как две нашкодившие старшеклассницы от завуча.

Плюхнувшись на сиденье, Лера завела мотор и вылетела с парковки так, будто за нами гналась стая голодных волков. Или разъярённых бывших. Или один разъярённый бывший с восхищённым взглядом.

Я откинулась на спинку сиденья, пытаюсь отдышаться и отогнать непрошенные мысли, которые так настойчиво лезли в голову.

Не хочу знать, почему он так смотрел. Не хочу предполагать, о чём он хотел поговорить. Не хочу думать о том, как его пальцы касались моей руки. Не хочу...

И тут как обухом по голове.

Осознание.

Этот парень, который вернул Лере паспорт, который целовался с ней в тот злосчастный вечер, который приехал сейчас вместе с Головиным...

Значит, Андрей был тем водителем.

В его машине я была. С ним ехала. И оставалась наедине.

Я лихорадочно прокручивала в памяти последнее видео в Леркином телефоне. Там они с этим парнишкой стояли возле её дома, целовались напоследок, а камера была направлена из машины. Из его машины. Из машины Головина.

А значит... значит, мы были в машине вместе. Я и он. И Лерка с этим типом на заднем. И потом, когда они ушли, мы остались вдвоём.

Я ничего не помнила. Совсем. Полный провал. Чёрная дыра в памяти.

Но тело помнило.

Губы горели. Кожа хранила память о чьих-то прикосновениях, сильных и нежных одновременно. Я провела пальцами по губам и тут же отдернула руку, будто обожглась.

Я мотнула головой, отгоняя этот бред. Точно нет. Не может такого быть. Это просто алкогольный кошмар, игра воображения, последствия стресса. Головин — последний человек на земле, который стал бы... который мог бы...

Я даже мысленно не могла закончить эту фразу.

— Твою мать, — застонала я, откидываясь на сиденье и закрывая глаза руками.

— Да не, нормально, — Лера покосилась на меня. — Или думаешь, он станет мстить? — она хмыкнула, но в голосе проскочили нервные нотки. — Да вроде ж не сильно я его приложила. Так, профилактически. Чтоб неповадно было.

— Не знаю, — простонала я. — Но то, что мы две не очень умные курицы — это точно. Сходили, блин, в бар. Отдохнули, блин. Развлеклись, блин.

— Да ладно тебе, — Лера беспечно махнула рукой, но я видела, как она вцепилась в руль — костяшки побелели. — Ничего страшного. Подумаешь, паспорт потеряла. Подумаешь, целовалась с кем-то. Подумаешь, этот кто-то теперь знает, где я учусь и как выглядит моя машина.

— Лер, ты не понимаешь, — я повернулась к ней, чувствуя, как паника подступает к горлу. — Это трындец. Полный, абсолютный, без вариантов.

Я замолчала, прикусив губу. Даже Лере я не хотела говорить о том, что меня беспокоит на самом деле. О том, что с Андреем мы знакомы давно. О том, что между нами целая школьная история, полная боли и ненависти. О том, что я боюсь даже думать о нём, потому что каждый раз, когда его имя всплывает в голове, внутри начинает выть что-то дикое, непонятное, пугающее.

Не хотела. И всё.

— Слушай, — Лера покосилась на меня с подозрением. — А этот, который тебя за руку хватал... ты с ним...

— Я с ним ничего! — перебила её, может быть, слишком резко. — Ничего у меня с ним нет и быть не может. Просто... просто мне совсем не нравится, куда свернула моя спокойная жизнь.

— Да ладно тебе, — Лера тронула меня за плечо. — Зато повеселились. Что теперь, сидеть дома, боясь лишний раз выйти за порог? Не ссы, крошка, всё будет хорошо.

Я отвернулась к окну, глядя на проплывающие мимо дома, деревья, людей, машины. Обычная жизнь. Обычные люди. У них, наверное, всё просто: встретились, влюбились, поссорились, помирились. А у меня в голове — полный хаос.

Страх смешался с чем-то другим. С чем-то, чему я боялась дать название. Что-то тёплое, тягучее, опасное разливалось в груди каждый раз, когда я вспоминала, как он смотрел на меня сегодня. Не как враг. Не как мучитель. Как...

Я мотнула головой, отгоняя эту мысль.

Нет. Не смей даже думать об этом.

Леркины слова оказались пророческими. Только с одним маленьким нюансом — с точностью до наоборот.

Если бы я только знала, что произойдёт в ближайшие дни, я бы сидела дома, запершись на все замки, забаррикадировав дверь шкафом и не высываясь до конца учебного года. Залегла бы на дно, сменила бы номер, уехала бы к бабушке в деревню — куда угодно, лишь бы не оказаться там, куда меня несло.

Но я не знала.

Я сидела в машине, смотрела в окно и пыталась убедить себя, что всё образуется.

А судьба уже готовила мне следующий подзатыльник. Такой, от которого у меня потемнеет в глазах.

Глава 12

Несмотря на то, что в моей жизни появился некий мрак в лице Головина, я была свято уверена в одной простой истине: если случается что-то плохое, значит, сразу за ним обязательно придет хорошее. Да, я оптимистка. Наверное, это единственное, что спасало меня все эти годы — умение видеть в жизни не только проблемы, но и маленькие радости. Умение ждать, надеяться и верить, что черная полоса обязательно сменится белой.

И это действительно работает.

Потому что когда мне пришло уведомление — Дима добавил меня в друзья, — у меня перехватило дыхание. Сердце заколотилось как сумасшедшее, выскакивая из груди, ладони вспотели, а перед глазами поплыло. Я даже зажмурилась на секунду, думая, что мне мерещится.

Но нет. Уведомление было настоящим.

Дима. Тот самый Дима, на которого я втайне пускала слюни уже года два. Красивый, весёлый, открытый, с обезоруживающей улыбкой и глазами, в которых всегда плясали чертики. Учится на журналистике, душа любой компании, тот самый парень, который понравится любой маме — и моя не исключение. Приличный, воспитанный, с хорошими манерами и без намёка на опасность, которая так и прёт от некоторых. От того, о ком я поклялась себе не думать.

Божечки-кошечки, это невозможно!

Я, пересилив страх, а его было много — страх отказа, страх показаться глупой, страх всё испортить, написала первой. В конце концов, он сделал первый шаг — добавился. Моя очередь проявить инициативу.

— Привет, — набрала дрожащими пальцами.

И замерла в ожидании.

Он ответил почти сразу.

Мы начали переписываться. И это было... волшебно. Так страшно, так волнительно и так радостно одновременно, что я ходила сама не своя. Улыбалась в пустоту, перечитывала его сообщения по сто раз и глупо хихикала.

А самым лучшим было то, что это вытеснило из головы ненужные мысли об Головине. Совсем. Выбило клином.

Плывать на него. Надеюсь, больше никогда не увижу.

"Слушай, — пришло от Димы сообщение, от которого я замерла посреди комнаты с открытым ртом. — Я переписываться как-то не очень люблю. Может, сходим погулять?"

Я застыла. Прочитала ещё раз. Ещё. Потом уткнулась лицом в подушку и завизжала так, что соседи, наверное, услышали.

Спокойно. Спокойно, Настя. Дышим. Не кидаемся сразу отвечать, надо выдержать паузу, сделать вид, что я занятая девочка, у которой куча дел, встречи, планы...

Пальцы уже набирали ответ.

"Почему бы и нет."

"Тогда через часик заеду за тобой) Скинешь адрес?"

Час.

У меня есть час.

Час, чтобы превратиться из замухрышки в нечто, достойное свидания с парнем мечты.

Я посмотрела на себя в зеркало. Растрёпанные после пар волосы, никакого макияжа, мешки под глазами от недосыпа. Кошмар.

Час. Всего час.

После пар — даже в душ не успела сходить, переписываясь с Димой.

Помчалась в ванную. Вымылась рекордными темпами — кажется, я никогда не мылась так быстро. Намылилась, смыла, выскочила — всё за пять минут.

Потом начался танец с феном: я сушила волосы, поглядывая на часы и мысленно умоляя время замедлиться. Пятнадцать минут на голову, нет, двадцать, надо уложить красиво, чтобы вились.

Красилась дрожащими руками. Тени, подводка, тушь — всё, как в видео с просторов интернета. Получилось вроде неплохо. Или мне казалось от волнения. Главное — не размазать.

А потом начался ад выбора.

Я вывалила полшкафа на кровать. Перерыла всё, до чего смогла дотянуться. Джинсы? Слишком просто. Свитер? Слишком тепло. Блузка? Слишком официально, будто на собеседование собралась.

Взгляд упал на платье.

Оно висело в самом углу, почти забытое. Нежное, персиковое, с длинными рукавами и длиной до колена. Я купила его год назад в каком-то порыве отчаяния и ни разу не надела — всё ждала особого случая. Стеснялась. Думала, не пойдет.

Он настал. Этот случай.

Я натянула платье, затаив дыхание, и посмотрела в зеркало.

Ого.

Я моргнула. Подошла ближе. Повернулась так, эдак.

Надо признать, сидело оно замечательно. Обтягивающий фасон подчеркивал грудь, талию, бедра — всё, что можно и нужно подчеркнуть. Никаких вырезов, никакого мини, только мягкая ткань, которая льнула к телу, и цвет, который делал кожу мягкой и светлой.

Я чертовски сексуальна в этом, — подумала я честно. Без ложной скромности. Просто констатация факта.

Но...

Я втянула живот. Торчал. Ещё раз втянула — бесполезно. Глубоко вдохнула и задержала дыхание — помогло, но дышать-то надо. Ладно, прикрою сумкой, если придется снимать куртку. Авось не заметит.

Каблуков у меня отродясь не водилось — с моими формами и моей неуклюжестью это было бы катастрофой. Я бы и двух шагов не сделала, свернула бы лодыжку. Так что я надела белые кроссовки. А что? Многие так ходят. Это даже модно, кажется. Сочетание нежного платья и спортивной обуви — самый тренд.

Ровно в семь пришло сообщение:

«Я подъехал».

Я сделала глубокий вдох. Выдох. Ещё вдох. Посмотрела на себя в зеркало в последний раз, поправила волосы, прикусила губу от волнения.

Вышла из квартиры.

Хорошо, что родители ещё на работе — не пришлось объяснять, куда это я намылилась в платье и с макияжем, и почему у меня трясутся руки. Мама бы точно устроила допрос с пристрастием, а папа бы начал шутить про женихов.

На улице уже стемнело, горели фонари, бросая на асфальт желтые круги света. Воздух был прохладным, весенним, пахло сыростью и приближающимся дождем. Я вышла из подъезда и увидела ЕГО.

Дима стоял, облокотившись на синюю старенькую иномарку. Высокий, стройный, русский, с безумно привлекательной улыбкой, от которой у меня подкосились колени. Он смотрел на меня, и во взгляде было что-то такое... тёплое, одобрительное. Кажется, я ему понравилась. Кажется, платье сработало.

— Привет, — улыбнулся он, отлипая от капота.

— Привет, — я отвела взгляд, чувствуя, как щеки заливаются краской. Неловкость накрыла с головой, сбивая дыхание.

— Прощу, — он подошёл к пассажирской двери и открыл её, изображая настоящего джентльмена.

Я села, вдыхая запах салона — пахло чистотой, деревом и чем-то неуловимо мужским. На заднем сиденье валялись какие-то книги, куртка, пакет. Живой, настоящий человек.

Машина тронулась.

— Куда хочешь? — спросил он, выруливая со двора.

«Неважно, главное — с тобой», — чуть не сорвалось с языка. Я прикусила губу, чтобы не ляпнуть глупость.

— Не знаю...

— Тогда не против, если я сам выберу?

— Да, конечно.

Машина мягко тронулась с места, выруливая со двора. Дима уверенно крутил руль, сосредоточенно глядя на дорогу. В свете приборной панели его профиль казался ещё привлекательнее — чёткие линии, лёгкая щетина, которая ему ужасно шла. И эта улыбка. Она то и дело появлялась на его губах, когда он поглядывал на меня.

— Волнуешься? — спросил он, заметив мой взгляд.

— Немного, — честно призналась.

— Не надо, — он улыбнулся шире. — Со мной ты в безопасности.

От этих слов внутри разлилось тепло. Мы выехали со двора, и я бросила прощальный взгляд на свою многоэтажку. Всё такое привычное, обычное, спокойное.

И тут мимо, буквально в паре метров, промчался чёрный автомобиль.

Спортивный. Низкий. С хищным рычанием двигателя.

Моё сердце остановилось.

Я замерла, вцепившись в сиденье, и проводила его взглядом. Тот же цвет. Та же модель. Даже тонировка — как у него.

— Насть? — голос Димы вырвал меня из ступора. — Ты чего?

— Что? — я моргнула, прогоняя наваждение. — А, нет, ничего. Показалось.

— Точно? — он сбавил скорость, глядя в моё лицо. — Ты побледнела.

— Точно, — улыбнулась, хотя сердце всё ещё колотилось где-то в горле. — Просто... померещилась чертовщина.

Дима понимающе кивнул и снова сосредоточился на дороге.

А я обозвала себя параноиком. Ну с чего бы ему здесь быть? Это спальный район, обычные панельки, детские площадки, бабушки на лавочках. Не его формат. Он живёт в центре, в своей стеклянной башне, среди таких же хищников, как он сам. Ему здесь просто нечего делать.

Я выдохнула, прогоняя липкий страх, и снова посмотрела на Диму.

Он поймал мой взгляд и подмигнул.

Я смотрела на него, любуясь каждой чёрточкой, каждым движением. С ним было легко. Спокойно. Правильно.

И я поймала себя на мысли, что готова вот так ехать рядом вечность.

Я откинулась на сиденье, чувствуя, как напряжение уходит. Как страх тает. Как мир снова становится цветным и добрым.

Чёрная машина забылась. Головин забылся. Остался только он — Дима. И этот вечер. И счастье, которое, кажется, наконец-то решило заглянуть ко мне в гости.

Минут через семь машина остановилась возле небольшого кафе. Необычного: оно стояло на огромной пустой парковке. Я сначала не поняла, зачем такому маленькому заведению столько места, но потом бросила взгляд влево и увидела высотное здание бизнес-центра. Ах,

вот оно что. Для сотрудников. В этот час все уже разъехались, и на парковке, кроме машины Димы, стояли только две. Тишина и покой.

— Уютное место, — сказал Дима, открывая передо мной дверь. — Я иногда захожу сюда. Здесь тихо и вкусно кормят. И людей в такое время почти нет — можно спокойно поговорить.

Внутри пахло кофе и ванилью. Мягкий свет от небольших ламп на столиках, деревянные стулья, приятная ненавязчивая музыка. Мы сели у окна, откуда была видна пустая парковка и огни бизнес-центра.

Официантка принесла меню и удалилась.

— Что хочешь? — спросил Дима, листая страницы. — Здесь очень вкусные пирожные.

— Я... Я на диете, — ляпнула зачем-то и тут же покраснела до корней волос.

Зачем, зачем я это сказала?! Какая, к черту, диета? Я люблю есть, я люблю сладкое, я вообще не собиралась никого тут изображать!

Дима поднял на меня удивлённый взгляд.

— Какая глупость, — улыбнулся он, и улыбка была такой тёплой, что напряжение немного отпустило. — Тебе незачем себя мучить. Ты и так... — он замялся, чуть смутившись. — В общем, не парься.

— Ладно, — выдохнула, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло.

Повисла небольшая пауза. Я чувствовала себя ужасно неловко, не знала, куда деть руки и как смотреть. Вроде бы и общались легко в переписке, а вживую — ступор.

— Насть, — вдруг сказал Дима серьёзно. — Ты какая-то зажата. Тебе что-то не понравилось? Может, не хочешь здесь сидеть?

— Нет, что ты! — выпалила слишком быстро. — Всё отлично. Правда. Просто... Я давно не была на свиданиях.

«Ага, давно. Никогда», — прокомментировал внутренний голос с ехидством. «Ни разу. Вообще. Это первое».

— Понял, — кивнул Дима. — Давай тогда поговорим о чём-то нейтральном? Например, о погоде? — он усмехнулся. — Хотя погода — это скучно.

— Вы уже выбрали? — подошла официантка.

Дима сделал заказ за нас двоих, не спрашивая:

— Два фирменных пирожных и чайник ягодного чая, пожалуйста.

Официантка кивнула и ушла.

— Ты уже нашёл место для практики? — спросила, понимая, что если продолжу смущаться и молчать, свидание будет испорчено. Надо брать себя в руки.

— Конечно, — оживился он. — Там такая история была! Я проходил собеседование в одну редакцию, думал, всё провалил, потому что опоздал из-за сломанного лифта. Представляешь? Прихожу — лифт не работает. А мне на двенадцатый этаж. Пришлось пешком топать. Весь мокрый, злой, запыхавшийся. Захожу в кабинет, а главный редактор смотрит на меня и говорит: «Зато видно, что у вас характер есть». И взял!

Я рассмеялась — искренне, в голос. Он рассказывал живо, интересно, с самоиронией и смешными подробностями, жестикулировал, улыбался. Я слушала, и напряжение отпусало. С каждой минутой становилось легче. С ним было легко.

Пирожные оказались божественными. Чай — ароматным, с нотками малины и смородины. А Дима — ещё более прекрасным, чем я себе представляла в своих мечтах.

— А у тебя права есть? — спросил он, когда разговор зашёл о машинах.

— Нет, — вздохнула, отламывая кусочек пирожного. — Лерка, ну подружка моя, сказала, что ни за что не доверит мне управлять своей малышкой. А папа вообще никого, кроме мамы, за руль своей ласточки не пускает.

— Да ты шутишь! — Дима удивился так искренне, будто я призналась, что не умею читать. — Ни разу не пробовала?

— Ни разу.

— Ну это надо исправлять, — он встал и протянул мне руку. — Ты должна попробовать. Прямо сейчас.

Я вложила ладонь в его тёплую, сильную руку, и он помог мне подняться. Расплатился, не дав мне и слова сказать, и мы вышли на пустую парковку.

— Смотри, всё очень просто, — начал он инструктировать, усадив меня за руль. — Это газ. Это тормоз. Это сцепление. Ничего сложного.

— Мне кажется, это не лучшая идея, — пробормотала, вцепившись в руль дрожащими руками. — Особенно на парковке. Особенно в темноте. Особенно без прав.

— Да брось, здесь только мы, — он улыбнулся, садясь на пассажирское сиденье. — Неужели боишься? Я же рядом.

«Я же рядом».

От этих слов сердце растаяло. Вместе со всеми сомнениями. Вместе со страхами. Вместе с голосом разума, который орал, что это плохая идея.

Я завела машину. Нажала на газ. Машина дёрнулась и заглохла.

— Ничего страшного, — терпеливо сказал Дима. — Ещё раз. Плавнее.

Со второго раза получилось. Медленно, со скоростью черепахи, я поехала по пустой парковке. Это было странно. Пугающе. И в то же время — невероятно волнительно. Я вела машину! Настоящую!

— Ну что, понравилось? — спросил Дима, когда я остановилась, проехав метров пятьдесят.

— Да! — искренне сказала, чувствуя, как адреналин бурлит в крови. — Это невероятно!

— Ещё кружок?

— А можно?

— Конечно.

Я развернулась и поехала снова. Увереннее, быстрее. Дима сидел рядом и улыбался, подбадривая меня.

— А ты с практикой определилась? — спросил он между делом, когда я сосредоточенно вглядывалась в темноту.

— Нет, жду распределения. Вдруг повезёт попасть в эту чёртову крутую фирму, — я скривилась, вспомнив, кому она принадлежит.

— Я слышал, ты лучшая на курсе. Уверен, обязательно получишь там место.

— От кого слышал? — удивилась, поворачивая к нему голову.

— У меня сестра на два курса младше учится на твоём факультете. Она постоянно про тебя рассказывает. Говорит, некоторые преподаватели тебя расхваливают, ставят в пример.

— Я не знала, — призналась, и это было приятно. Очень приятно. До мурашек. — Хоть какая-то польза от того, что всё время только и делала, что училась. Но что я лучшая — это вряд ли. У нас много достойных. Так что место не факт, что моим будет.

— Да брось, — Дима смотрел на меня с теплотой. — Уверен, ты очень умная. Могла бы даже работать репетитором.

— Правда думаешь? — спросила, чувствуя, как щёки снова заливают румянцем.

— Правда.

Я улыбнулась ему, совсем забыв, где нахожусь. Забыв про дорогу, про скорость, про всё на свете. В этот момент существовали только он и я. Его улыбка, его глаза, его слова.

— Тормоз! Нажми тормоз! — закричал Дима.

Я резко повернулась, переводя взгляд на дорогу.

Поздно.

Машина разогналась. Впереди, в свете фар, выросал бок другой машины, стоявшей впереди. Чёрная спортивная машина, словно только сейчас появилась. Мы приближались к припаркованной машине слишком быстро.

Я нажала. Но не туда. Нога в кроссовке провалилась в пустоту — я нажала на газ.

Двигатель взревел. Машина рванула вперед.

В голове стало пусто. Абсолютно. Ни одной мысли. Ни страха, ни паники — только белая пелена.

Удар.

Грохот. Скрежет металла. Звон стекла. Меня бросает вперёд, ремень безопасности впирается в грудь, вышибая воздух из лёгких. Голова мотается, ударяясь о подголовник.

А потом — тишина.

Звенящая, оглушительная, ватная.

Я смотрю на разбитое лобовое стекло — паутина трещин расходится от центра. На смятый капот, который задымился. На чужую машину, в которую мы врезались — у неё теперь нет двери, одна сплошная вмятина.

И не могу пошевелиться.

— Ты как? — голос Димы доносится будто сквозь толщу воды. — Настя! Ты цела?!

Я поворачиваю голову. Медленно, как в замедленной съёмке. Смотрю на него.

Дима бледный, как мел, на лбу выступила кровь — рассек о что-то. Но глаза живые, смотрит на меня, трясёт за плечо.

— Настя! Ответь!

— Я... — голос не слышится. — Я цела.

Выдыхаю. И вдруг понимаю.

Моя спокойная жизнь только что разбилась вдребезги. Вместе с этой машиной. Вместе с надеждами на идеальное свидание. Вместе с иллюзией, что всё будет хорошо.

А впереди — только темнота и страх.

Глава 13

Тишина.

Звонящая, ватная, оглушительная. Такая, какая бывает только после катастрофы — когда мир только что рухнул, а ты ещё не успела это осознать.

Я сижу, вцепившись в руль побелевшими пальцами, и не могу пошевелиться. Вообще. Ни одной мышцы. Тело будто налилось свинцом, приковало к водительскому креслу.

Перед глазами — паутина трещин на лобовом стекле. Сквозь неё расплывается смятый капот чужой машины. Чёрной. Спортивной. Дорогой. Которая только что была целой, красивой, идеальной. А теперь...

— Твою мать, — голос Димы пробивается сквозь шквал истеричных мыслей, глухой, будто из другого измерения.

Я поворачиваю голову. Медленно, будто в замедленной съёмке. Смотрю на него.

Дима бледный, как полотно. На лбу — кровь, тонкая струйка стекает по виску. Рассек, наверное, обо что-то в момент удара. Но глаза живые, встревоженные, смотрят на меня в упор. В них — страх. За меня. За себя. За то, что сейчас будет.

— Я... — голос не слышится, срывается в хрип. Губы трясутся. — Я не хотела. Я не специально.

Дима выдыхает. Шумно, со свистом. Откидывается на сиденье, трёт лицо рукой, размазывая кровь по щеке.

— Господи, Настя... Ты зачем на газ нажала? Я же кричал — тормоз! Тормоз!

Я не отвечаю. Потому что не знаю. Потому что в голове пусто, абсолютно пусто, ни одной мысли, только белый шум. Потому что я только что разбила машину. Чужую. Дорогую.

Очень дорогую.

Дима выбирается наружу. Я слышу, как хлопает дверца, как его шаги обходят капот. Слышу, как он чертыхается, как пинает колесо, как матерится сквозь зубы — грязно, зло, отчаянно.

Потом открывает мою дверь.

— Выходи.

Ноги не слушаются. Они ватные, чужие, будто не мои. Он берёт меня за руку, тянет, помогает вылезти. Я опираюсь на него, чувствуя, как дрожит всё тело — крупной, противной дрожью. Колени подкашиваются, и я едва не падаю.

Воздух холодный, колющий, пахнет бензином и жжёной резиной. Где-то вдалеке шумит город — равномерный гул машин, голоса, жизнь. А здесь, на этой пустой парковке, тихо, как в могиле.

Я делаю шаг к разбитой машине. Два. Три.

И замираю.

Потому что вижу её. Всю. В деталях.

В свете жёлтых фонарей чёрный бок пересекает глубокая вмятина — от переднего крыла до самой двери. Металл смят, будто бумага. Фара разбита вдребезги, осколки стекла блестят на асфальте, как рассыпанные алмазы — злые, острые, беспощадные. Бампер висит на честном слове, готовый отвалиться в любую секунду. Под капотом что-то шипит, капает на асфальт тёмной лужей.

Это конец.

— Дима, — шепчу, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Горькая, кислотная. — Дима, это сколько?

Он молчит. Смотрит на машину, потом на меня, потом снова на машину. И в его глазах — ужас. Настоящий, неприкрытый ужас. Он хватается руками за голову, нервно проводя ими по волосам.

— Насть... — голос у него севший, хриплый. — Это ж бэха. Такое... Я не знаю... миллиона два, наверное. Может, больше. Если хозяин захочет официальный ремонт — точно не меньше миллиона выйдет. А если там двигатель повреждён...

У меня подкашиваются колени. Я хватаюсь за его руку, впираюсь ногтями, чтобы не упасть.

Миллион.

У меня нет таких денег. У моих родителей нет. У нас вообще нет таких денег. Мы живём скромно, от зарплаты до зарплаты, от стипендии до стипендии. Мама считает каждую копейку, папа подрабатывает по выходным. Миллион — это космос. Это небоскрёб. Это то, чего у нас никогда не было и не будет.

— Это я виноват, — вдруг говорит Дима. Голос у него севший, но твёрдый. Решительный. — Я посадил тебя за руль. Я не должен был... это моя идея. Насть, я разрулю. Слышишь? Я всё улажу. Найду хозяина, договорюсь, в рассрочку, как-то...

Я смотрю на него. На кровь на его лице, на разбитую бровь. На его глаза, в которых решимость пополам с паникой. И понимаю: он правда готов решить эту проблему. Не знаю как, не знаю где возьмёт деньги, но готов. Не бежит от ответственности, и от этого ещё горше, такой идеальный парень, для которого свидание со мной закончилось катастрофой.

— Дима...

— Ничего не говори. Сейчас выясним, чья это тачка, и...

Он не договаривает.

Потому что сзади раздаётся звук шагов.

Медленные. Чёткие. Спокойные. Уверенные. Шаг. Ещё шаг. Ещё.

Я оборачиваюсь.

И мир останавливается.

Он идёт из темноты. Из ниоткуда. Руки в карманах чёрного пальто, плечи расправлены, осанка — как у человека, которому принадлежит всё вокруг. На лице — ни одной эмоции. Застывшая маска. Только глаза. Тёмные, тяжёлые, глубокие, как бездна. Они смотрят прямо на меня сквозь полумрак.

Андрей.

Он не бежит. Не кричит. Не размахивает руками. Он идёт медленно.

Подходит к машине. Останавливается в паре метров. Медленно, очень медленно, с пугающей медлительностью обводит взглядом урон. Вмятина. Разбитая фара. Разбитое стекло.

Тишина.

Дима делает шаг вперёд, открывает рот, чтобы что-то сказать. Наверное, извиниться, объяснить, предложить деньги. Но Андрей даже не смотрит на него. Игнорирует. Будто Димы не существует.

Он смотрит на меня.

В упор. В самую душу. Так, что я перестаю дышать. Воздух застревает в лёгких, не желая выходить.

— Кто был за рулём? — спрашивает он тихо. Спокойно. Будто интересуется погодой.

Хотя уверена — он видел. Видел, как я вылезала со стороны водителя. Видел, как Дима помогал мне встать. Видел всё.

Я хочу ответить. Открываю рот — и не могу выдавить ни звука. Губы трясутся, горло перехватило спазмом.

Дима дёргается, делает шаг к нему:

— Слушайте, это я виноват. Я её учил водить. Я заплачу, сколько скажете. Давайте договоримся, без полиции, без...

Андрей переводит на него взгляд. Один короткий взгляд. Всего один.

И Дима замолкает на полуслове.

Потому что в этом взгляде — всё. Лёд. Сталь. Холодное, спокойное предупреждение, от которого кровь стынет в жилах. Так смотрят на тех, кто вмешивается не в своё дело.

— Я не с тобой разговариваю, — говорит Андрей.

И снова смотрит на меня.

Глава 14

Делает шаг. Ещё один. Подходит почти вплотную. Теперь между нами меньше метра. Я чувствую запах его парфюма — тот самый, от которого по коже бегут мурашки. Тот самый, что преследовал меня во снах все эти ночи. Вижу каждую чётточку на этом красивом, холодном лице. Вижу, как играют желваки на скулах, как пульсирует жилка на виске.

— Я спрашиваю, — говорит он тихо. Очень тихо. Но в этой тишине его голос звучит так громко. — Кто. Был. За. Рулём?

— Я, — голос не слышится, срывается в хриплый шёпот. — Это моя вина. Я...

Он смотрит на меня долго. Очень долго. Секунды тянутся, как часы. В его глазах мелькает столько всего, и на контрасте со спокойным лицом и холодным тоном это пугает. Пугает так, что внутри всё переворачивается.

А потом уголок его губ дёргается.

Не улыбка. Нет.

Что-то другое. Предвкушение? Азарт?

Я не понимаю. Совсем не понимаю.

Почему он не кричит? Почему не требует денег? Почему не вызывает полицию? Почему просто стоит и смотрит на меня так пугающе.

Андрей делает ещё полшага. Теперь между нами сантиметры. Я чувствую тепло его тела, его дыхание на своей макушке.

— Ну что, пирожочек, — говорит тихо, и в голосе прорезается что-то новое. Хриплое. Напряжённое. — Как будем ущерб возмещать?

— Ты... — шепчу, чувствуя, как горло сжимается. — Что ты со мной сделаешь?

Он усмехается. Той самой кривой усмешкой, от которой у меня подкашиваются колени. Медленно переводит взгляд на Диму, который стоит в стороне, бледный, растерянный, сжимая кулаки.

— Значит, так, — говорит Андрей, и в голосе появляются стальные нотки. Он пренебрежительно кивает в сторону Димы. — К твоему мальчику претензий нет. Может быть свободен.

Дима дёргается, хочет что-то сказать, но я качаю головой. Не надо. Не лезь.

— А с тобой, — Андрей снова смотрит на меня, и от этого взгляда хочется провалиться сквозь землю. — С тобой мы поговорим завтра. Сейчас такси вызову, чтобы ты по дороге не потерялась.

— Я сама доберусь, — говорю онемевшими губами.

В моём положении тратить деньги на такси — непозволительная роскошь. У меня и так теперь долг на миллионы.

— Я не спрашивал, — бросает Головин. Достает телефон, нажимает что-то. — Такси будет через пять минут. Будешь стоять здесь и ждать. Поняла?

Я киваю. Потому что спорить нет сил. Потому что внутри всё дрожит. Потому что я только что разбила его машину.

Андрей отходит на пару шагов, закуривает, глядя куда-то в темноту. Спина напряжена, плечи расправлены.

— Насть, — тихо зовёт Дима, беря меня под руку и отводя чуть в сторону. Подальше от него. Подальше от разбитых машин. Голос у него дрожит, и я чувствую, как дрожит его рука. — Ты его знаешь?

Я смотрю на него. На этого милого, хорошего парня, который просто хотел сделать мне приятно. Который не виноват ни в чём. Который сейчас смотрит на меня с таким беспокойством, будто я стою на краю пропасти.

— Это мой... — запинаясь. Слова застревают в горле. Как его назвать? Знакомым? Врагом? Кошмаром? — Давний друг. Очень давний.

Дима хмурится, бросает взгляд через плечо на Андрея. Тот стоит в отдалении, прислонившись к капоту своей разбитой машины, и курит. Спокойный, расслабленный, будто ничего не случилось. Будто не у него только что разнесли полборта.

— Не очень он похож на доброго друга, — тихо говорит Дима. — Он на тебя так смотрел...

— Как? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

— Как собственник, — Дима кривится. — Как будто ты ему принадлежишь.

От этих слов по спине пробегают мурашки. Я заставляю себя улыбнуться, хотя губы не слушаются.

— Не переживай, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно. — Мы с ним всё решим. Ты езжай домой и ни о чём не переживай.

Я растягиваю губы в улыбке, стараясь делать вид, что всё отлично. Что это просто недоумение. Что всё будет нормально.

— Насть...

— Правда, всё хорошо, — перебиваю, не давая ему договорить. — Мы с ним договоримся.

Дима смотрит на меня с сомнением. В его глазах — борьба. Между желанием остаться, защитить, и пониманием, что я прошу его уйти.

— Мне жаль, что твоя машина тоже... — я киваю на его машину, которая стоит чуть поодаль. У неё помят бампер, разбита фара, на капоте глубокая царапина. Также пострадала в этой дурацкой аварии.

— Да ничего, — Дима так же, как я несколько секунд назад, натянуто улыбается. — Починю. Это не страшно. Главное, что все целы.

Я смотрю на него и чувствую, как к глазам подступают слёзы. Горькие, солёные, обжигающие. Такой хороший. Такой правильный. Такой не мой.

— Прости меня, — говорю и отворачиваюсь, потому что не могу смотреть на него. Не могу видеть его добрые глаза, в которых нет ни капли злости. Чувствую груз вины, который давит на плечи, пригибает к земле. — За всё. За свидание, за машину, за то, что втянула тебя в это. Если бы не я...

— Ты ни в чём не виновата, — перебивает он твёрдо. — Это я во всём виноват. Я посадил тебя за руль. Я не усмотрел. Если бы не моя дурацкая идея...

— Хватит, — я касаюсь его руки. — Поезжай домой. Пожалуйста. Завтра созвонимся.

Он колеблется. Смотрит на Андрея — тот всё так же стоит в отдалении, курит, даже не глядя в нашу сторону. Демонстративно не глядя.

— Ты уверена? — в его голосе столько сомнения, что мне хочется закричать:

«Нет, не уходи, останься, спаси меня от него!»

— Да. Уверена.

Он кивает, неуклюже, быстро обнимает меня за плечи и идёт к своей машине. Я смотрю, как он садится, как возится с замком зажигания. Двигатель кашляет, чихает, но заводится.

Дима выезжает с парковки, и на прощание его аварийка мигает мне — жёлтыми вспышками сквозь темноту. «Всё будет хорошо», — будто говорит она.

Я стою и смотрю, как красные огни его машины исчезают за поворотом.

И только когда они гаснут совсем, до меня доходит.

Я осталась одна.

С ним.

Позади слышатся шаги. Медленные, уверенные. Я не оборачиваюсь.

— Слабак, — сказал Головин, смотря в ту же сторону, что и я.

Я молчу. Смотрю в ту сторону, где исчезла машина Димы.

— Сладкая парочка, — продолжает он, подходя ближе. — Прямо сердце радуется.

— Чего ты хочешь?

— Завтра узнаешь, — он усмехается. — Садись в такси.

Мир перевернулся. И я не знаю, что будет завтра.

Но одно я знаю точно: Головин точно не простит мне этого. И я даже боюсь представить, что ему от меня нужно. Кроме денег, конечно. Что ещё может быть нужно такому, как он? Такому богатому, самоуверенному, опасному? Только деньги. Возмещение ущерба. Компенсация.

Но почему тогда он так смотрел? Почему в его глазах было что-то... другое?

Я тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Нет. Не думать. Не анализировать. Просто признать факт: я должна ему огромную сумму. А он не из тех, кто прощает долги.

Уже в такси, по дороге домой, я прокручивала в мыслях варианты. Работа. Нужна работа. Можно найти подработку в ночную смену — официанткой, уборщицей, да хоть кем. В конце концов, какая разница? Деньги не пахнут. Буду спать по четыре часа, учиться, работать, отдавать долг. Год, два, три — неважно. Главное, чтобы он позволил расплачиваться частями.

Я сжимала побелевшие пальцы в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль отрезвляла, не давала провалиться в панику.

Родителям я не скажу ни слова. Ни за что. Это моя вина, моя проблема, моя ошибка. Они не должны знать. Мама будет рыдать, папа — искать деньги, которых у нас нет. Они и так положили свои жизни на то, чтобы мы с сестрой ни в чём не нуждались. Я не имею права вешать на них ещё и это.

Нет. Сама. Всё сама.

Да, недостойные мысли тоже мелькали в голове. Глупые, постыдные. Мысль сделать вид, что это не я, что за рулём был кто-то другой. Мысль сбежать, скрыться, исчезнуть. Мысль сделать вид, что ничего не было.

Но я тут же отгоняла их. Не выйдет. На парковке бизнес-центра слишком много камер. Они всё засняли. Меня, Диму, момент удара. У Андрея связи, деньги, возможности. От него не скрыться.

Во что же я вляпалась?

Машина остановилась у моего дома. Таксист, когда я протянула купюру, сказал, что оплачено с карты. Головин, словно издеваясь, оплатил мне такси, хотя какая разница, эти рублей двести вообще пшик. Ноги не слушались, когда я шла к подъезду. Казалось, что каждый шаг даётся с трудом, будто иду по болоту.

В лифте я смотрела на своё отражение в зеркальной двери. Бледная, растрёпанная, с дикими глазами. На платье — какие-то пятна, на кроссовках — грязь.

Я нажала кнопку звонка, затаив дыхание, не в силах рыться в сумке в поисках ключей. Дверь открыла мама.

— О, пришла, — улыбнулась она. — А мы уже ужинаем. Будешь?

— Нет, мам, я устала, — сказала, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Пойду спать.

— А поесть? Ты какая-то бледная. Случилось что?

— Всё хорошо, мам. Просто правда устала. День тяжёлый.

Я проскочила мимо, чувствуя спиной её взгляд.

И только за закрытой дверью наконец накрыло.

Меня начало трясти. Сильно, крупно, неконтролируемо. Руки ходили ходуном, колени подгибались, зубы выбивали дробь. Я сползла по двери на пол, обхватила себя руками, пытаюсь унять эту дрожь, но она не проходила.

Страх заполнил каждую клеточку тела. Липкий, холодный, всепоглощающий. Я представила, что будет завтра. Что он скажет. Что потребует.

Но слёз не было. Странно. Обычно слёзы сами льются от страха, от боли, от отчаяния. А сейчас — нет. Глаза сухие, горят, но сухие.

Я сидела на полу, прижимаясь спиной к двери, и смотрела в потолок. Мысли метались, как бешеные, но постепенно успокаивались, выстраивались в очередь. Что бы он ни придумал, я выдержу. Я справлюсь. Я сильная.

Я закрыла глаза, прижалась затылком к холодной двери и заставила себя не думать.

Завтра. Всё будет завтра.

Но спать я не смогу. Точно не сегодня.

Глава 15

Андрей

Что я здесь делаю?

Я откинулся на сиденье, прикрыв глаза. В салоне машины темно, только приборная панель тускло подсвечивает цифры — время, температура, уровень топлива.

Чёртов сталкер.

Зачем надо сидеть под её домом, как последний псих? Зачем пытаться войти в дверь, которую она закрыла? Не просто закрыла — замуровала, сука. Пять лет назад. А я всё ещё сижу под её окнами, жду чего-то.

Ответ был прост. До безумия прост.

Я хочу.

Я её, блять, хочу. Так сильно, что сводит челюсть. И быть может, если получу — меня отпустит. Если дотронусь — насыщусь. Если узнаю, какая она на вкус — перестану видеть её в каждом грёбаном сне. Перестану думать о ней.

Я сидел, тупо пялился в телефон и пытался придумать, как заставить её спуститься добровольно. Найти номер оказалось проще, чем подобрать правильные слова. Я мог бы подняться к ней. Но что-то подсказывало: на свою территорию она меня точно не пустит. Сбежит, спрячется, закроется и будет сидеть тихо, как мышь. А мне нужно, чтобы она сама. Сама захотела. Сама пришла.

И тут, словно насмешка судьбы, она вышла из подъезда.

Я замер. Сердце пропустило удар, потом ещё один. Застучало где-то в горле, мешая дышать.

Красивая. Такая, что у меня перехватило дыхание. Такая, что захотелось прижать к себе и целовать, пока не кончится воздух. Платье обтягивает грудь, бедра, талию — каждый изгиб, каждую линию, которые я столько раз представлял в своих фантазиях. Волосы рассыпались по плечам, блестят в свете фонарей. Сияющая. Счастливая. Улыбается.

Улыбается не мне.

Другому.

Я сжал руль так, что костяшки побелели. Этот парень с дурацкой улыбкой открыл перед ней дверь своей старой развалюхи. И даже цветов, сука, не додумался купить. А она всё равно сияет. Смотрит на него так, будто он — центр вселенной. Будто он — тот самый.

Нахуй я поехал за ними?

Нахуй остановился на той парковке?

Нахуй сижу в темноте и смотрю в окно кафе, где она пьёт чай и смеётся его шуткам?

Ты больной, сказал я себе, выходя из машины.

Никотин ударил в голову, но не помог. Ни черта не помог. В тёмном углу парковки меня не было видно, но я видел всё. Видел, как она смотрит на него. Видел, как он берёт её за руку. Видел, как она краснеет, как опускает глаза, как улыбается — той самой улыбкой, которую я ни разу не получил.

Дура. Села за руль. Зачем? Зачем ты это сделала?

А когда она понеслась прямо на мою машину — сердце остановилось.

Рвануло вниз, оборвалось. Я сорвался с места, почти побежал, но было поздно. Удар. Скрежет металла. И тишина.

Самая страшная тишина в моей жизни.

Я замер, не в силах пошевелиться, когда они вышли. Смотрел, как этот кретин помогает ей вылезти. Как она дрожит. Как бледнеет. Как сжимается, трясётся от адреналина и страха.

И внутри меня образовалась знакомая ледяная пустота. Та самая, которая накрывает в моменты адской злости. Те, кто меня знал, в такие минуты старались даже близко не подходить. Потому что в этом состоянии я способен на всё.

— Кто был за рулём? — спросил, медленно подходя.

— Слушайте, это я виноват. Я её учил водить. Я заплачу, сколько скажете. Давайте договоримся, без полиции, без...

Я даже не смотрел на него. Смотрел только на неё. На её трясущиеся губы. В её глаза, в которых плещется ужас. На то, как она вцепилась в этого хлюпика, будто он может её защитить. Не сможет. Не от меня.

— Я не с тобой разговариваю.

Подожёл ближе. Встал напротив. Вдохнул её запах тот самый, от которого у меня каждый раз сносит крышу.

— Я спрашиваю. Кто. Был. За. Рулём? — Я и так знал, но хотел, чтобы она сама сказала. Призналась. Осознала. Поняла.

— Я, — её голос сорвался в хриплый шёпот. — Это моя вина. Я...

— Ну что, пирожочек, — в голове сразу всплыли картинки. Непристойные. Грязные. С её участием. Как она сидит на моих коленях, как стонет, как кусает губы, как выгибается подо мной... — Как будем ущерб возмещать?

Я понимал, что она вряд ли предложит этот способ расчёта. А жаль. Но помечтать-то можно?

Она смотрела на меня испуганно. Глаза огромные, в них плещется страх пополам с отчаянием.

— Ты... — прошептала она. — Что ты со мной сделаешь?

Всё, что ты мне позволишь. А ты позволишь.

— Значит, так, — сказал, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Кивнул в сторону её паренька. — К твоему мальчику претензий нет. Может быть свободен.

— А с тобой, — я снова посмотрел на неё, — с тобой мы поговорим завтра. Сейчас такси вызову, чтобы ты по дороге не потерялась.

— Я сама доберусь.

— Я не спрашивал, — отрезал, доставая телефон.

Пока заказывал такси, краем глаза следил за ними. Этот парень отвёл её в сторону. Я слышал каждое слово. Абсолютно каждое.

— Ты его знаешь? — спросил он.

— Это мой... — она запнулась. — Давний друг. Очень давний.

Друг? Я усмехнулся про себя. Даже не знал, что мы друзья. Мило. Если бы она только знала, какие мысли у этого «друга» в голове, наверное, уже бежала бы дальше, чем видит.

— Не очень он похож на доброго друга, — сказал этот тип, и я даже мысленно с ним согласился. — Он на тебя так смотрел...

— Как?

— Как собственник. Как будто ты ему принадлежишь.

Умный мальчик. Догадливый. Жаль, что герой только на словах.

— Не переживай, — она даже улыбнулась ему. Будто секунду назад не тряслась от страха рядом со мной. — Мы с ним всё решим. Так что поезжай домой и ни о чём не переживай.

— Насть...

— Правда, всё хорошо. Мы с ним договоримся. Но мне жаль, что твоя машина тоже...

— Да ничего, — он улыбнулся ей. — Починю. Это не страшно. Главное, что все целы.

Я закатил глаза. «Все целы». Ну, это ненадолго, если он продолжит так к ней жаться. Я же не железный. Ещё одно прикосновение — и я, кажется, не сдержусь.

— Прости меня, — сказала она, и у меня внутри всё перевернулось. Почему с ним она такая? Мягкая, нежная, виноватая? — За всё. За свидание, за машину, за то, что втянула тебя в это. Если бы не я...

— Ты ни в чём не виновата, — перебил он её. — Это я во всём виноват. Я посадил тебя за руль. Я не усмотрел. Если бы не моя дурацкая идея...

— Хватит, — она коснулась его руки, успокаивая. — Поезжай домой. Пожалуйста. Завтра созвонимся.

— Ты уверена?

— Да. Уверена.

И он реально сел и поехал. После всех своих красивых слов про ответственность и вину. Просто взял и уехал, оставив её со мной.

Неужели такие ей нравятся? Пустые красивые слова про ответственность и ничего больше? Слова без действий? Я бы не оставил.

Я бы остался. Я бы вцепился в неё и не отпустил, даже если бы она пинала меня ногами, даже если бы проклинала, даже если бы умоляла оставить её.

Я подошёл, остановился рядом. Выпустил дым в сторону, чтобы не попадал на неё.

— Слабак, — бросил, глядя вслед его машине.

Уезжает, оставляя её со мной. Даже не спросил, кто я, даже не попытался защитить.

Я курил, наблюдая, как она стоит и смотрит вслед его машине. Стоит, пока красные огни не исчезают за поворотом. Стоит, будто ждёт, что он передумает и вернётся.

Не дожждётся.

— Сладкая парочка. Прямо сердце радуется.

Она резко обернулась. В глазах — злость. Живая, настоящая, обжигающая. Наконец-то. Хоть что-то живое, а не этот испуганный взгляд, не этот страх, не эта покорность.

— Чего ты хочешь?

Я смотрел на неё долго. Очень долго. На её дрожащие губы, которые хочется прикусить. На огонь в глазах, который пылает, несмотря на страх. На грудь, которая вздымается под тонкой тканью платья. Красивая. Моя.

— Завтра узнаешь, — усмехнулся я. — Садись в такси.

Она посмотрела на подъезжающую машину, потом на меня. Хотела что-то сказать — я видел, как слова застыли на губах, — но передумала. Просто села и уехала.

А я остался стоять на пустой парковке, глядя на свою разбитую машину. Миллион, если у официального дилера чинить. Примерно столько будет стоить ремонт. Цифра, которая для неё — катастрофа. А для меня — ощутимая, но не критичная.

Но мне не нужны от неё деньги.

Уверен, что после того, что я скажу ей завтра, она возненавидит меня ещё сильнее.

Она будет презирать меня. Бояться. Ненавидеть каждой клеткой.

И пусть ненавидит. Пусть.

Я докурил, бросил бычок на асфальт, растоптал.

В голове не мелькнуло даже мимолётной мысли отказаться от своих желаний.

Плевать на последствия. Плевать на её ненависть. Плевать на всё.

Она будет моей. Хочет того или нет.

Глава 16

Я не спала пол ночи.

Ворочалась, смотрела в потолок, считала трещины, прислушивалась к каждому шороху. Мысли метались, как бешеные, сталкивались, разбивались на осколки и снова собирались в дикие картины.

Я должна ему деньги. Огромные. Я буду работать. Я отдам. Я справлюсь.

Я повторяла это как мантру, как заклинание, как молитву. Потому что если не верить в это — останется только паника. А паника — плохой советчик. Она заставит делать глупости, а глупости в моем положении — непозволительная роскошь.

И только ближе к трём утра, когда тело окончательно выдохлось от напряжения, я провалилась в беспокойный сон. Тяжелый, липкий, полный обрывков кошмаров. Визг шин, оглушительный грохот удара и чьи-то тёмные глаза смотрящие на меня из темноты.

В девять утра пришло сообщение.

«Адрес скину. Жду в 19:00. Опаздывать — не советую».

Ни «привет», ни подписи. Номер незнакомый, но я и так знала — это он. Головин. Кто ещё будет писа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.